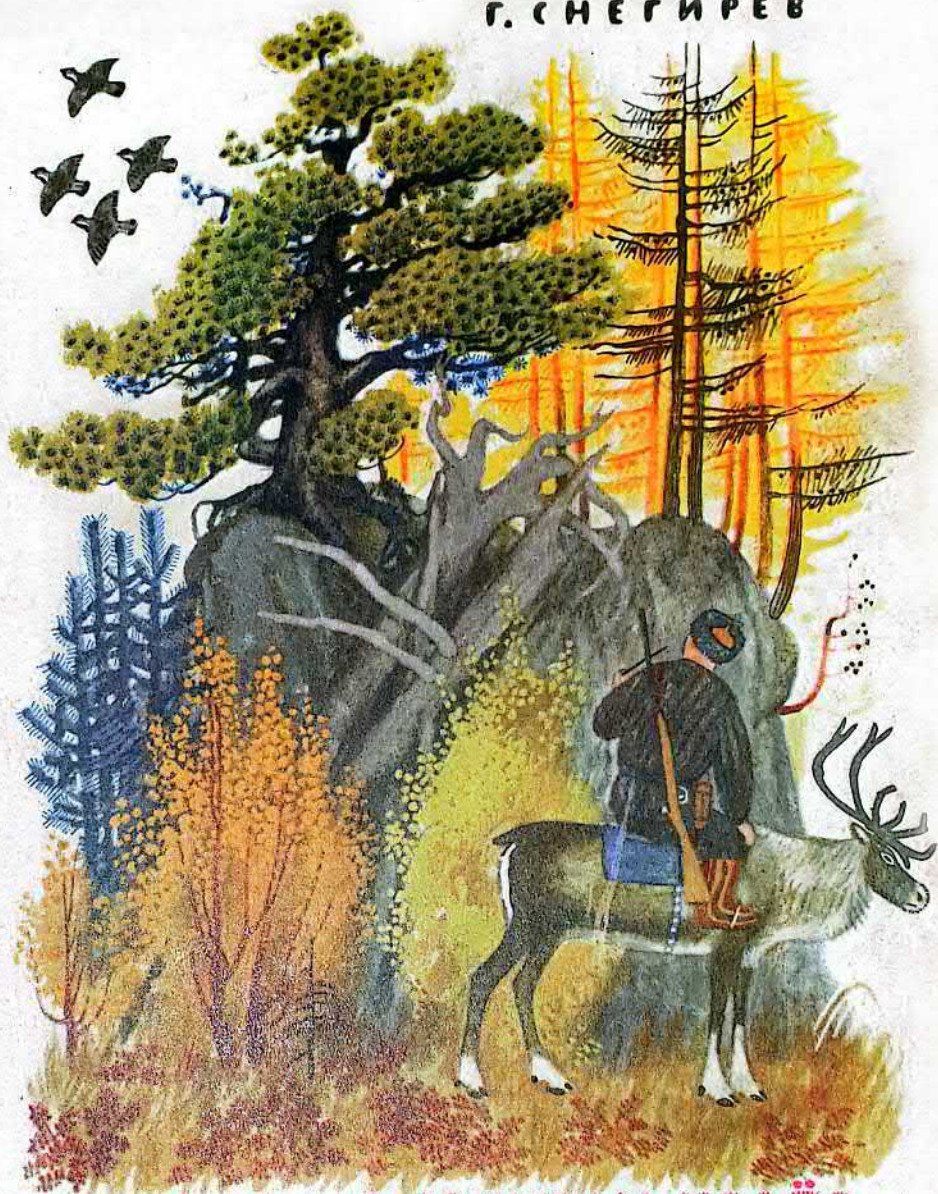

Г. С НЕГИРЁВ

ПИСЬМА ИЗ РАЗНЫХ КРАЁВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

Школьная библиотека
для нерусских школ

Г. СЕГИРЁВ

**ПИСЬМА
ИЗ РАЗНЫХ
КРАЁВ**

Рассказы

Издательство
"Детская
литература"
Москва 1969

Автор назвал эту книгу «Письма из разных краёв». Но это не письма, а маленькие рассказы о разном: о животных, помогающих человеку в труде; о деревьях, украшающих жизнь людей; о дереве, кормящем своими плодами множество птиц и зверей; об обитателях морей и океанов; о диких и прирученных зверях, которые живут в жарких и холодных странах.

Писатель Геннадий Яковлевич Снегирёв не любит сидеть на месте. Он часто уезжает в дальние края нашей страны и подолгу живёт среди охотников, рыболовов, чабанов, звероловов; вместе с ними он охотится, ловит рыбу, ходит с ружьём и без ружья по лесу. Он многое видит, а потом рассказывает обо всём, что видел, в своих книгах.

Рисунки Н. Устинова

ПИСЬМА ИЗ РАЗНЫХ КРАЁВ

Мы живём на станции Ильино-озеро. Мой папа работает смазчиком — он смазывает колёса у поезда маслом. Не таким маслом, которое едят, а машинным. Оно у него налито в бачок с длинным и тонким носиком.

В одной руке он держит бачок, а в другой у него железный крюк. Он крюком открывает коробку в середине колёса и туда льёт масло.

Когда приходит скорый поезд, папа меня берёт с собой на помощь. Я бегу вперёд с крюком и открываю крышки. Из некоторых коробок идёт дым, и папа ругает смазчика на соседней станции за то, что он налил так мало масла. Ось сильно нагрелась, она могла лопнуть, и была бы авария.

Паровоз гудит, поезд уходит, и только на последнем вагоне виден красный огонёк кондуктора. Потом огонёк гаснет. Значит, поезд уже за поворотом.

А рельсы, если прижаться к ним ухом, всё ещё дрожат: тук-тук, тук-тук...

Меня зовут Наташа. Я живу в деревне Камышовке. Наша деревня на острове. Вокруг растут высокие камыши, и, когда дует ветер, камыши шуршат. Иногда над камышами движется мачта. Это на озере плывёт пароход.

Летом я с папой ездила на лодке ловить рыбу. Мы плыли по водяным дорожкам среди камышей. Дикая утка с утятами хотела проплыть впереди лодки, да не успела: забилась в камыши и там громко крикала, а утята все сразу нырнули на дно.

Я видела одного утенка под водой. Он был весь серебряный от воздушных пузырьков. Пузырьки тянули его навёрх, а он крепко держался клювом за травинку. Мы далеко уплыли, и утята стали выскакивать из воды, как пробки.

Я только что вернулся с берега океана. Мы с Петькой сделали сачок и ловили крабов. Поймали двух крабиков, посадили в банку и хотели идти домой; и тут Петька заметил осьминожка. Он притаялся в луже морской воды.

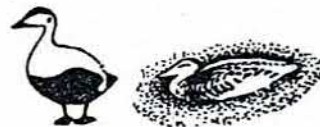
Я пишу это письмо, а осьминожек сидит в банке и на меня смотрит. Он совсем как настоящий, только маленький. Я быстро перелистал книгу, а осьминожек испугался и стал вдруг серым, потом жёлтым и красным.

Сейчас зима, а листья всё равно не опали, они только пожелтели и свернулись в трубочки; сопки вокруг города от этого золотые. По городу летают чайки, прямо над улицами, и даже не боятся трамваев.

Вчера пришёл корабль с Камчатки, весь обсыпанный пеплом. Пепел лежал на палубе и на трубе. Бочман мне сказал, что в океане появился вулкан, и корабль попал в облако пепла. Я собрал себе целый спичечный коробок пепла. И ещё у меня есть чешуйки морского окуня, очень большого, каждая чешуйка у него с копейку. Я набрал их, когда разгружали рыбу. Я очень люблю смотреть на рыбу и, как только буду большой, стану рыбаком.

Мы с Петькой хотим приучить нашего осьминожка к пресной воде. Мы пока будем доливать по стакану в день из водопровода. Один стакан уже налили, и осьминожек заскучал, но он привыкнет!

С океанским приветом!

Меня зовут Коля, и я живу в Кандалакше, на берегу Белого моря.

Зимой я учусь во втором классе, а летом помогаю папе ловить рыбу. Весной папа каждый день сидит на берегу и смотрит на море — он ждёт, когда появятся в бухте дельфины. Дельфины едят сельдь — значит, сельдь пришла в бухту.

В этом году дельфины пришли поздно, и все ребята в нашем классе стали пухловыми. Мы плавали на катере собирать пух в гагачьем заповеднике.

Ребята разбрелись по острову, где живут гаги. Я нашёл три гагачьих гнезда и набрал полную корзину пуха.

А Лёда нашла гнездо, в котором сидела гага. Лёда хотела прогнать её, но гага ущипнула её за руку клювом.

Лёда испугалась и пришла назад с пустой корзиной. Мы все дали ей понемножку пуха.

Этот пух очень лёгкий и тёплый, из него делают шубы для полярных лётчиков. Директор заповедника сказал, что нашего пуха хватит на сто шуб.

Всё лето я живу на лесных речках с моим дедушкой. Я помогаю ему ловить бобров.

Дедушка гребёт веслом, а я лежу в лодке и смотрю в воду. На дне видны большие следы цапли, за лодкой плывут стайки рыбок, и водяные травы развеваются по течению.

Вчера в тихой заводи мы поймали бобра. Сначала перед лодкой с громким криком летела синяя птичка — зимородок, и я сразу подумал, что здесь есть бобр. Зимородки всегда живут рядом с бобрами. Я разделся и нырнул, и под самым берегом нащупал ногой канавку. Это бобр протоптал себе дорожку на дне. Тихо-тихо мы поставили ловушку, а потом я стал громко кричать и плясать на берегу. Бобр испугался, выскочил из норы и попался в ловушку.

Это был очень большой бобр. Он сильно тряс лапками железные прутья клетки и грыз их зубами. Весь

хвост у него был в старых шрамах — когда-то он дрался с другими бобрами.

Мы накрыли клетку мешком. Бобр утих, а дедушка сказал, что бобра повезут в Сибирь и там выпустят. Но бобр весь вечер сидел очень тихо, и, когда мы сняли мешок, он лежал уже мёртвый.

Бобр был старый и не вынес невзгоды.

Дедушка горевал, что мы не получим денег, а мне было жалко бобра.

Осенью я первый раз пошёл в школу. Сначала я очень боялся: ведь все ребята будут рассказывать, где были летом, а я нигде не был. Я болел.

Когда учитель спрашивал, где кто был, я сказал, что болел. Все ребята на меня посмотрели, и одна девочка вздохнула, а учитель сказал, что это ничего.

Потом всем дали бумагу и карандаши. Кто рисовал домик и человечка около домика, кто яблоко, а один мальчик нарисовал маму с бутылкой, будто она идёт за молоком. Я нарисовал кленовый листик. Капал дождь, и листик прилип к стеклу. А ещё я нарисовал автомат с газированной водой, как он ночью светится.

Когда все нарисовали, учитель ходил по классу и смотрел. Он сказал, что мой листик немножко похож на ботинок, зато у мальчика, который нарисовал маму, бутылка похожа на костылик.

Потом один мальчик заплакал. Он захотел есть.

Уроков больше не было, и учитель отпустил нас домой.

В шко́ле было совсе́м не стра́шно. О́брáтно я шёл вме́сте с де́вочкой, кото́рая вздохну́ла. О́на живёт о́коло моего́ до́ма.

Мы живём в дере́вне. Па́па и ма́ма рабо́тают в колхо́зе, а мы с ба́бушкой — до́ма.

Весно́й мы сажáли морко́вку, капу́сту и карто́шку.

Морко́вка и карто́шка расту́т у са́мого до́ма, а капу́ста — у ре́чки, пото́му что ей ну́жно о́чень мно́го водо́й.

Я всё ле́то карау́лила капу́сту от че́рной ку́рицы. Ку́рица приходи́ла её клева́ть. Снача́ла ку́рица приходи́ла одна́, а пото́м привела́ своих цыпля́т.

Цыпля́т я не прогоня́ла, клю́вики у цыпля́т бы́ли сла́бые, и о́ни клева́ли червяко́в и жу́чко́в, а листьё́в не тро́гали.

Ку́рица о́чень зли́лась за то, что я не пуска́ла её в о́город. О́на ходи́ла, куда́хтала и хоте́ла меня́ клю́нуть, но я её совсе́м не боя́лась.

Мы с о́тцо́м ходи́ли в тайгу́ за кедровы́ми ши́шками. Па́па сде́лал дере́вянный молото́к на дли́нной па́лке: воткнёт ко́нec па́лки о́коло ке́дра, оття́нет молото́к и по ство́лу — бум! Ши́шки летя́т на зе́млю,

а чтобы в нас не попало, мы привязали на голову деревянные дощечки. На большом кедре сидел бурундук и громко свистел. Он рассердился, что мы ему помешали запасать орешки.

Я хотела посмотреть его получше, а бурундук спрятался от меня за ствол, потихоньку выглядывал и пищал. Стала я ходить вокруг кедра, и бурундук тоже вертелся вокруг ствола. Я его так и не рассмотрела.

Зато я видела горелую тайгу. Чёрные деревья стоят среди зелёных кедров. Это в прошлом году загорелась тайга от молнии. Прилетел пожарный вертолёт, и мой папа тоже помогал тушить огонь.

Сейчас на горелой земле уже выросли кустики черники.

Потом мы с папой пошли домой, потому что подул северный ветер, тайга загудела и пошёл снег.

Высоко против ветра летали какие-то маленькие птички и, чтобы не потеряться, перекликались друг с другом.

Домашние мы разожгли печку, вытряхнули шишки из мешка и положили их в огонь. Сразу запахло смолой, и на шишках раскрылись чешуйки.

В апреле у нас в Казахстане весна. Растаял снег, и вся степь звенит: это поют жаворонки! Хохлатые, чёрные и ещё какие-то, я даже не знаю...

Все радуются весне. Собаки бегают по степи, ло-

вят сусликов. А суслик выскочит из норки и стоит, как жёлтый столбик, греется на солнышке. Потом — свись! — и опять в нору, а другой суслик ему тоже — свись! Это он спрашивает: «Перезимовал?» А сосед ему отвечает: «Перезимовал!»

Когда над степью летит самолёт, суслики замирают и долго глядят ему вслед.

Верблюд линяет и катается по сухой траве, сдирает с себя клочки прошлогодней шерсти. А потом вдруг вскочит да как начнёт отплясывать, то передними ногами стукнет в землю, то задними, лучше к нему не подходи, не мешай, а то укусит.

Так весь день и перекликаются, танцуют и поют звери в степи, радуются, что живы и опять можно погреться на солнышке.

Я совсем забыла рассказать про ягнёнка. Сейчас он большой и меня узнаёт издали, по голосу, по шагам. А тогда, весной...

У нас уже было совсем тепло, только в оврагах лежал снег, и если прислушаться, то слышно было, как под снегом гремят ручьи. Жаворонки бегали по просохшим бугоркам и что-то клевали.

Потом подул холодный ветер, пошёл снег, и жаворонки улетели. Я думала — обратно на юг.

А когда ездили за сеном и раскопали вилами стог, там сидели, тесно прижавшись друг к другу, жаворонки.

Они нас испугались и с писком улетели в степь.

Я пасла овец с дядей Гришей. В стаде было много маленьких ягнят.

Однажды я заметила белое пятнышко за бугорком.

Дядя Гриша сказал, что это камень, а я подумала — капустный лист. Только откуда же в степи капуста?

Я побежала скорее посмотреть. Это был беленький ягненок. Он лежал на земле мокрый и дрожал от холода.

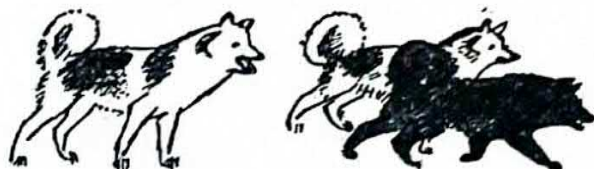
Овца родила ягненка и оставила. Я отнесла его на скотный двор. Если бы я не взяла ягненка, его съели бы волки. Они всегда ходят за стадом, я видела их следы.

В этом году я был на Черном море. Вода в море совсем не такая, как в речке. Она горькая и солёная. Я думал, что в такой воде рыбы жить не могут, а рыб здесь очень много, только они морские. Особенно красивая рыбка морской конёк. Она плавает около берега в морской траве и цепляется хвостом за травинки. Она похожа на Конька-горбунка.

Я хотел привезти конька в школу, но ему нужно много морской воды, а если налить из водопровода, он умрёт.

Зато я привёз в баночке крабов. В поезде один краб потихоньку вылез из баночки и вцепился клешней мне в ногу. Но я не кричал, а посадил его обратно в баночку.

Мой папа геблог, он работает на Чукотке, а я хочу быть моряком.

Мы с мамой плыли к папе на корабле.

Сначала был шторм, и мама меня не пускала на палубу, а то волной смёт за борт.

А когда шторм утих, я гулял на палубе.

За кораблём летели чайки.

Я думал, у них устанут крылья и они дальше не полетят, а они всё летели, летели и летели до самой Камчатки.

Наверное, чайки туда захотели переселиться, только не знали, в какую сторону лететь, вот и пристали к кораблю.

Я хотел увидеть кита, да так и не увидел. Зато корабль проплыл мимо острова, на который не пускают в галошах. На нём живут песцы, и если проходишь в галошах, песцы от резинового запаха убегают в глубь острова.

Поэтому кто хочет сойти на берег, галоши оставляет на корабле.

В Петропавловске-Камчатском много больших собак.

Они бегают и едят рыбы головы.

Одну собаку я хотел затащить на корабль и увезти домой.

Но мама прогнала её и сказала, что когда я сам буду капитаном, тогда могу возить что хочу.

Я обязательно буду капитаном. Если не капитаном, то боцманом.

Осенью я собира́ла в тайге брусни́ку и наткну́лась на мох, кото́рый поче́му-то рос кве́рху корешка́ми. Кто-то све́жей земли́ ната́скал и поса́дил его́ так.

«Кто же э́то, — ду́маю, — так мох поса́дил?»

Смотрю́, под пова́ленной сосно́й вы́рыта я́ма и во́круг мно́го сле́дов нахо́жено, как бу́дто босо́й челове́к хо́дил, то́лько с ко́гтями.

Я си́льно испуга́лась: ве́дь э́то же ме́дведь из бер-ло́ги зе́млю вы́греб и све́рху при́крыл мо́хом, хо́тел спрятать зе́млю, что́б берло́гу не на́шли. Побежа́ла я ско́рей к де́душке и все́ ему́ расска́зала.

Де́душка обра́довался:

— Э́тот ме́дведь сю́да прибежа́л, ко́гда тайга́ за реко́й горе́ла.

Де́душка мне ве́лел сиде́ть до́ма, а сам взял ру́жьё и пошёл в дере́вню собира́ть люде́й. До́лго я его́ жда́ла: Те́мно ста́ло.

«А что, — ду́маю, — е́сли ме́дведь де́душку загры́з!»

Стра́шно мне и жа́лко де́душку. Хо́тела я уже́ оде́ваться и его́ иска́ть. Слы́шу, теле́га во дво́р прие́хала и остано́вилась.

Вошёл де́душка, ру́жьё пове́сил на́ стену.

— Ну, — гово́рит, — иди́ смотре́й ме́дведя!

Я вы́шла во дво́р, смотре́ю, ле́жит на теле́ге ме́рт-вый ме́дведь. Большо́й, голо́ва вниз све́силась, зу́бы о́скалил.

Охо́тники его́ сва́лили на зе́млю, ло́шадь зафы́рка-ла и хо́тела убежа́ть, то́лько её уде́ржали.

Потро́гала я у ме́дведя клы́ки, о́ни все́ же́лтые.

Де́душка мне гово́рит:

— Ста́рый ме́дведь, одна́ко сплехова́л, корешки́ с ве́ршка́ми спу́тал, вот и попа́лся!

Говорят — собака друг человека.

И это правда. Сколько живут люди на земле, с ними рядом живёт собака.

Плохо было бы человеку без собаки.

Собака помогает пастуху охранять овец от волков.

В Сибирской тайге собака-лайка находит охотнику драгоценного соболя. Если кинется на охотника дикий кабан, собака вцепится в него и остановит.

На Севере ездовых собак запрягают в сани и мчатся по тундре.

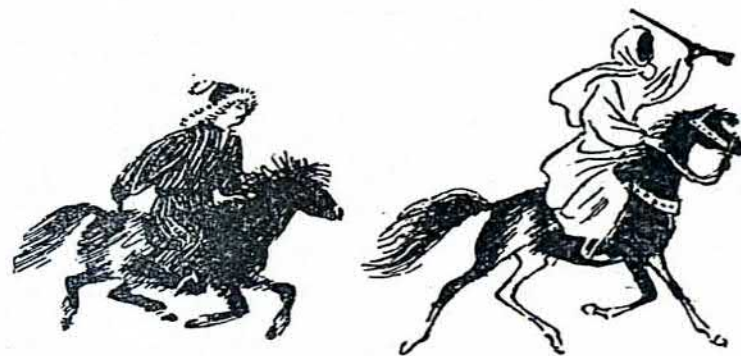
На войне собаки-санитары разыскивают раненых.

Собака никогда не покинет человека в беде.

В монгольских степях ездят верхом на лошадях. Монгольские лошади маленькие и лохматые, чтобы не замёрзли зимой в буран.

По таёжным тропам пробираются люди на лошадях, спотыкается лошадь на камнях, перепрыгивает через поваленные деревья, а когда встретится река, переплывёт на другой берег.

В жаркой Аравийской пустыне как вихрь проносятся арабские скакуны. Грива развеивается, глаза горят, каждый мускул виден под тонкой кожей. Это боевые кони кочевников. Они не подпустят к себе чужого человека. Хозяин свистнет, заржёт конь и примчится. Арабский конь не боится свиста пуля, быстрее газели мчится он в пустыне.

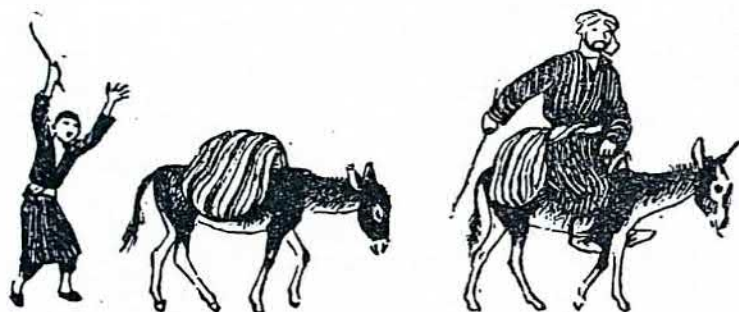
Все ругают осла: и глупый, и упрямый, и непослушный, а попробуй без осла обойтись в Азии — ничего не выйдет.

Нужно в горы съездить, овец отогнать — верхом на осле. В город на базар — тоже на осле.

Иногда на осла столько всего нагружат, что его

самого не видно, одни ножки торчат, да ещё хозяин сверху сядет и погоняет его острой палкой.

Ест осёл и траву, и ветки с листвою, и колючие кусты, а работает много, и всё равно его ругают.

Сегодня в цирке выступают маленькие лошади — пони. Они катают обезьян в колясках, а потом будут бить копытом в барабан.

Пони не вырастают большими, как лошадь, они всегда такие маленькие.

Диких пони люди поймали и приручили в Шотландии, там они паслись на лугах среди цветущего вереска. Мальчики в Шотландии развозят на пони бидоны с молоком, и мамы совсем не беспокоятся: пони смиренные и маленькие, если упадёшь — не разобьёшься.

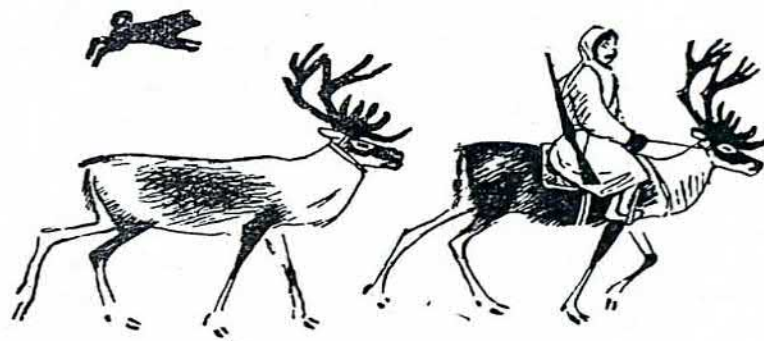

На Севере олень заменяет лошадь и корову. На олене ездят, олень даёт жирное молоко, и мясо оленя очень вкусное.

Олень не ходит, а бежит. У него так копыта устроены, что он в глубокий снег не проваливается и по болоту пробегает и по камням. Копыто раздвигается на четыре копытца, и получаются широкие лапы.

Оленя кормить не нужно, он сам себе находит корм даже зимой. Раскопает глубокий снег и щиплет мох-ягель.

Олень помогает человеку жить на Крайнем Севере.

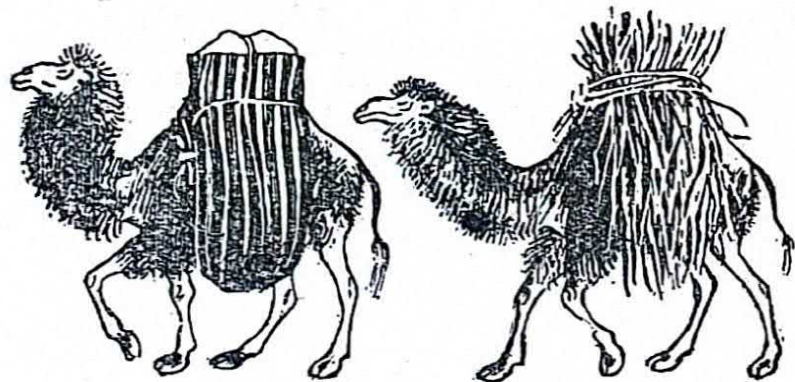

Кочевники говорят: самый большой подарок человеку — это верблюд.

Без верблюда люди не могли бы жить в горячих туркменских пустынях. Верблюд может несколько дней не пить и не есть. Колючий куст для него — целый обед.

Верблюды хорошо переносят и жару и холод. Через раскалённые пески, где куриное яйцо можно закопать и оно сварится, не сбавляя шага, идут верблюды.

В Сѣверном Казахстанѣ зимой верблюдов запрягают в сани и возят дрова. Морозный ветер со снегом слепит глаза. Верблюды идут белые от инея.

На Памире по горным тропам ездят на яках.

Тропа узкая — два всадника не разъедутся на ней, можно ехать только в одну сторону. Над тропой нависают огромные камни, а внизу пропасть. Глубокая — упадет камень из-под ячьих копыт, и только через минуту слышно — тук! Камень стукнется на дне ущелья.

У яка острые копыта, чтоб не скользить на камнях. Длинная косматая шерсть волочится по земле — чтоб не замёрзнуть в снежную бурю. Вид у яка сердитый, рога острые — как идёт и всё хрюкает, хрюкает...

Як совсем не страшный. Из ячьего молока делают сыр, из шерсти вяжут теплые носки, верхом на яках памирские ребята ездят в школу.

Только для волков як страшный. Он колет их рогами и топчет копытами. Волки не могут вцепиться в яка: длинная шерсть мешает. Поэтому в горах таджики пасут овец вместе с яками.

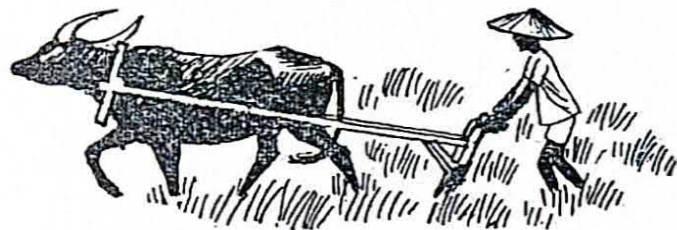

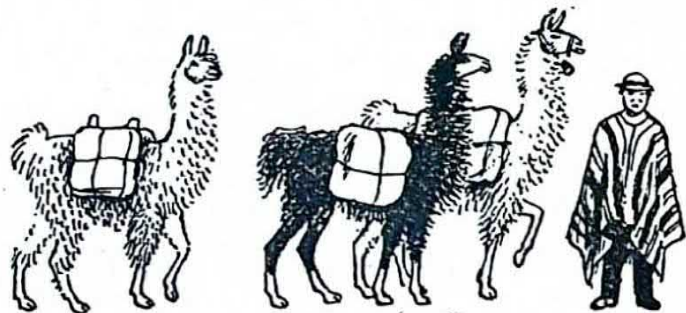
Индонезия...

Тяжело работать на рисовом поле. Ноги вязнут в сырой земле, сверху палит тропическое солнце, комары и пиявки облепляют буйвола. Он отмахивается хвостом и ходит, ходит с одного конца поля до другого, тащит борону.

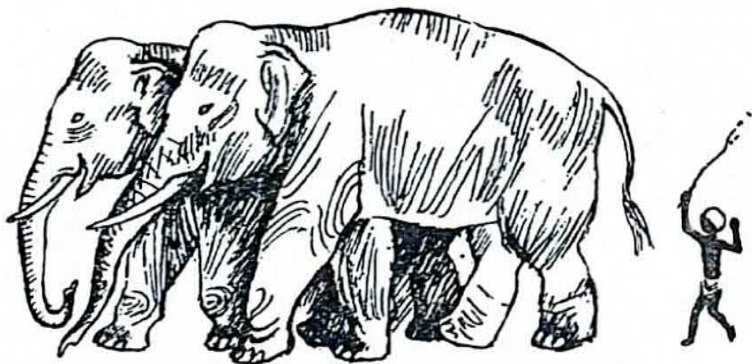
Хозяин буйвола посеет рис, потом соберёт урожай, сделает новую подстилку буйволу из рисовой соломы. Будет где отдохнуть буйволу после тяжёлой работы.

А работы у него много круглый год: и дрова возить и жернова крутить на мельнице, а в засуху тащить с реки бочки с водой.

В Южной Америке на горных тропах перевозят грузы на ламах. Ламы для гор как верблюды для пустыни. Ламы очень послушные, они идут за вожакom. Вожак гордится, что на шее у него привязан колокольчик. Колокольчик гремит и предупреждает встречный караван. Ламы ходят по таким узким тропам по краю пропасти, где не пройдет ни одна лошадь.

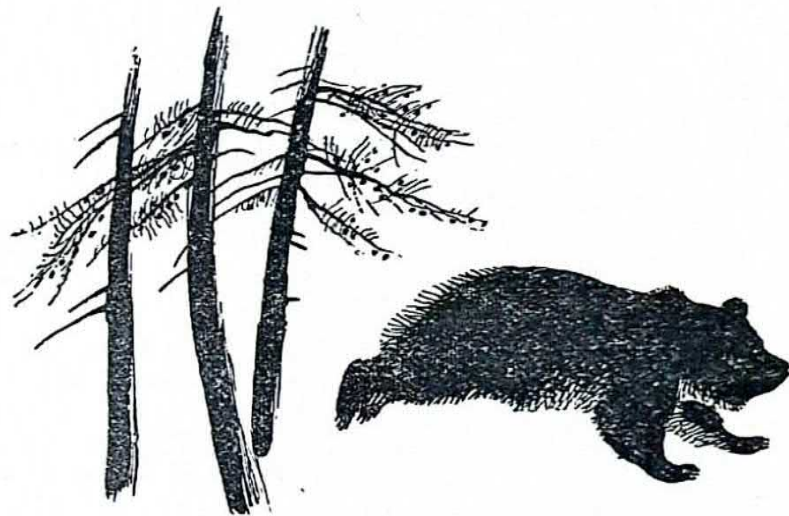

В Индии на слонах ездят по улицам. Слоны такие послушные, даже маленького мальчика слушаются. Он хворостинкой гонит их на речку купаться.

Слоны работают в лесу, валят деревья, перетаскивают бревна и осторожно складывают в кучу.

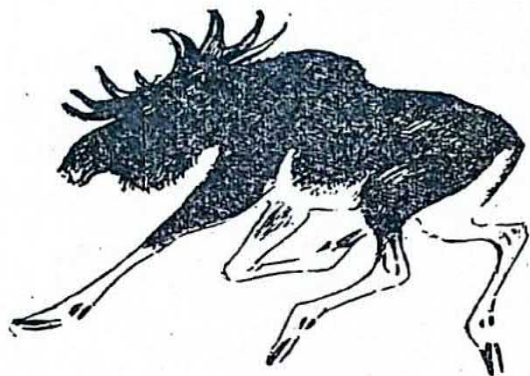
Охотники на спине слона отправляются охотиться на тигров. Если охотник выстрелит и промахнется, а тигр прыгнет, слон ухватит его поперек хоботом и раздавит.

Слон мудрый. Он никогда не причиняет зла людям. Только плохой человек может разозлить слона — тогда ему горе.

Говорят: «Неуклюжий, как медведь!»

Это неправда. Медведь быстрый, ловкий и очень сильный зверь. Он догонит лося, если нужно взберется на дерево, а если медведя ранить или разозлить, он ударом лапы убьет охотника. Медведь умён. Недаром таёжные охотники говорят: «Медведь как человек, только ружья нет!»

Лось — лесной житель. Лоси живут в Сибирской тайге и в лесах под Москвой. Лосю не страшны ни болота, ни глубокие снега. Зимой лось объедает осиную кору и ветки, а летом ест болотные травы.

У лося тяжёлые, широкие рога, похожие на лопаты. Лось — мирный зверь, но если на лося нападут волки, он защищается и рогами, и острыми копытами. Только голодные волки осмеливаются напасть на лося.

По сугробам заяц бежит как на лыжах. Лапы у него широкие и пушистые. Собаки по снегу зайца не догонят. У зайца много врагов: и волки, и лисы, и хищные птицы. Не так просто поймать зайца. Зимой все зайцы белые, а летом серые, чтобы лучше маскироваться в лесу. Не такой уж трус наш зайчишка. Когда на него нападает орёл, он ложится на спину и отбивается задними лапами.

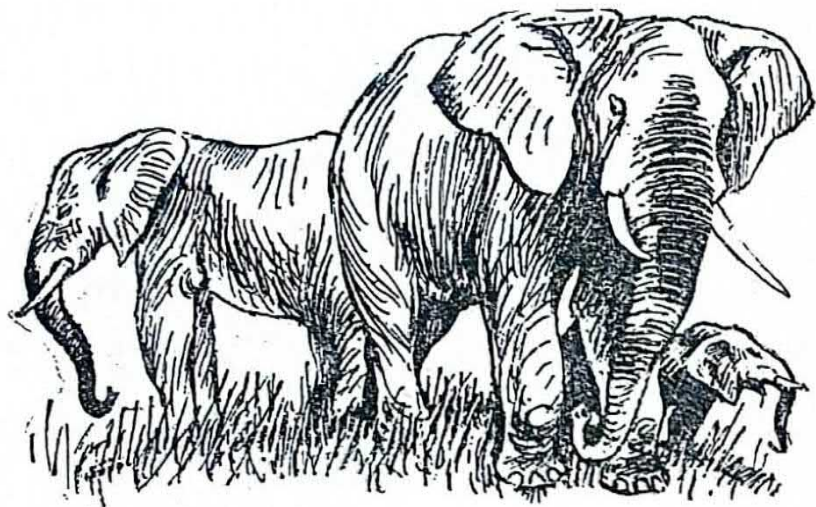
Белка строит на ёлке прочное гнездо из веток и спит там в сильный мороз, накрывшись пушистым хвостом. Осенью белка запасает на зиму орехи, жёлуди и сушит грибы на ветках. Летом шерсть у белки рыжая и короткая, а зимой отрастает пушистый, голубоватый мех. Зимой охотники отправляются в тайгу за беличьими шкурками. Охотничья собака-лайка находит зверька на ёлке и лает на неё, а охотник подходит незаметно и стреляет в белку.

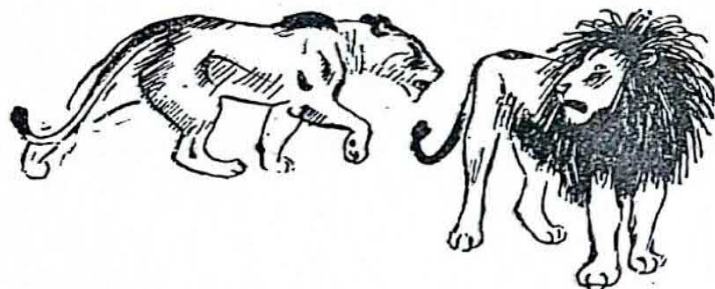
Бобры живут на лесных речках. Они перегораживают речку плотиной из сучьев и на берегу пруда строят хатку. Вход в хатку под водой, чтобы ни один зверь не залез к бобрам.

На зиму бобры подгрызают осины и запасают осиновые ветки. Бобры втыкают ветки в дно пруда и, когда пруд замёрзнет, бобрам не надо ходить в лес за кормом. Бобр нырнёт из хатки на дно пруда, выберет осиновую ветку и притащит в хатку. Бобры живут семьями и строить плотины выходят всей семьёй.

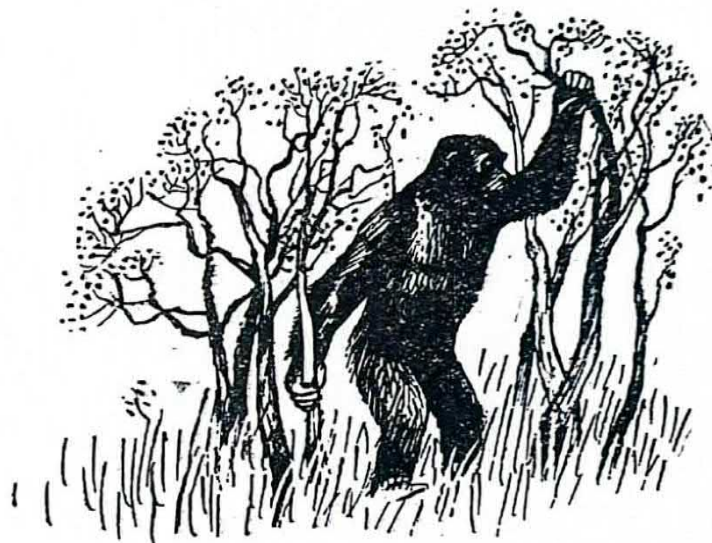
В африканской степи — саванне слоны ходят стадами. В каждом стаде есть вожак — старый слон. Все его слушаются. Если вожак почует опасность, стадо убегает или становится в круг. Посредине слонята, а по краям стоят взрослые слоны клыками наружу.

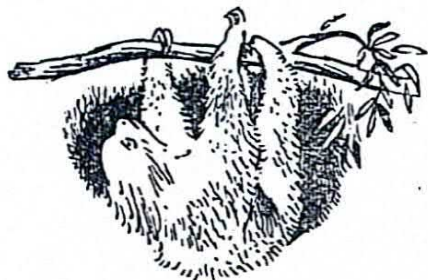
Когда в саванне наступает ночь, львы выходят на охоту. Далеко слышно грозное рыканье льва. Убегают стада зебр. Антилопы замирают в высоких травах. Ударом лапы лев убивает добычу. Все звери боятся льва, недаром его называют царём зверей.

Горилла, самая большая и сильная африканская обезьяна, часто ходит на двух ногах, как человек. Гориллы живут семьями в горных лесах. Даже леопард не осмеливается напасть на гориллу. Она задушит его страшными ручищами или разорвёт клыками.

Когда семья горилл устраивается на ночлэг под деревом, отец-горилла стучит кулаками в грудь. Далеко разносится по лесам этот стук. Как будто бьют в большой барабан. Пусть все звери знают, что хозяин африканского леса — горилла.

В тропическом лесу Южной Америки на дереве, среди густой листвы, висит на суку странный мохнатый зверь — ленивец. На лапах у ленивца по два длинных загнутых когтя, ими он цепляется за ветки и висит вниз спиной. У мамы-ленивицы на животe, вце-

пйвшись в шерсть, висит детёныш. Ленивец перелезает с ветки на ветку и ест зелёные листья. Ленивец всю жизнь живёт на деревьях: и спит на дереве и ест листья, еле переползая за весь день с одной ветки на другую. За это его и прозвали ленивцем.

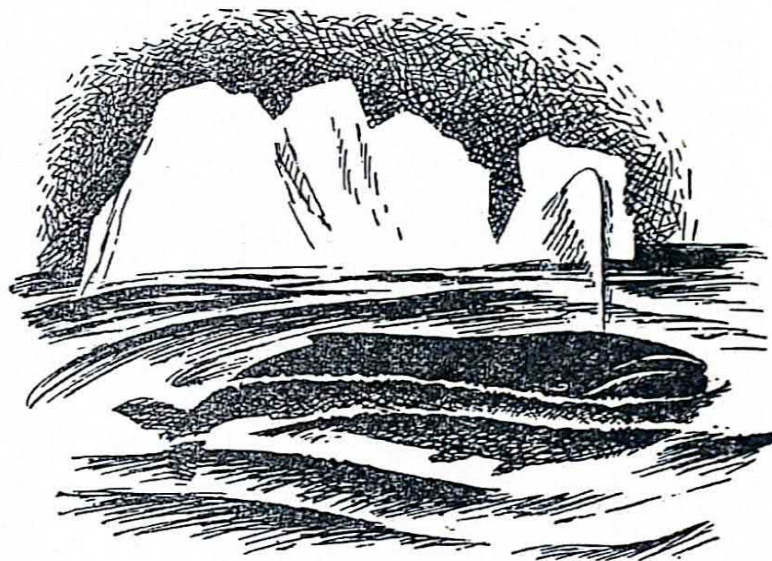

Кенгурё живут в пустынях Австралии. Кенгурё опирается на толстый хвост, отталкивается задними лапами и прыжками спасается от врагов — диких собак динго.

Детёныш кенгурё живёт у матери в сумке на животе. Если динго догоняет кенгурё, мать прячет кенгурёнка в траве, а сама убегает. Когда собака динго устанет, мать возвращается к детёнышу и сажает кенгурёнка в сумку на животе.

Голубой кит — самое большое животное в мире. Есть киты по 35 метров в длину. Вёсит такой великан 160 тонн.

Голубой кит догоняет в океане стадо сельдей и начинает плавать вокруг. Всё быстрее, быстрее... Кит сбивает рыбью стаю хвостом в плотную кучу, разевает пасть и заглатывает всю сельдь вместе с водой. Пасть у кита мохнатая, там растут огромные пластины — китовые усы. Кит процеживает воду сквозь усы, а рыбу глотает.

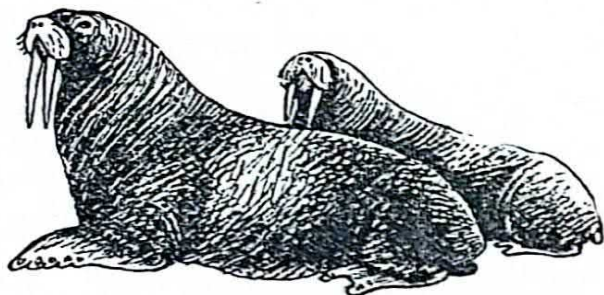

Моржи живут в Арктике. У моржа толстая шкура и под шкурой много жира. Поэтому моржу не страшен холод.

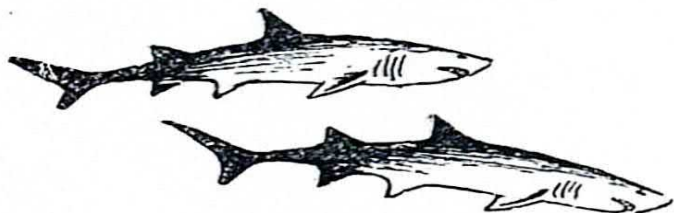
Большие клыки и усы нужны моржу, чтобы добывать пищу. Морж ныряет на морское дно и пашет

клыками песок, а усами нащупывает раковины съедобных моллюсков и ест их.

А если нужно, клыки помогают моржю вылезать из воды на льдину.

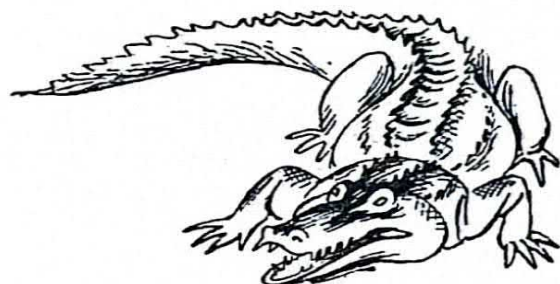
Акулы живут в тёплых морях. Нет более хищной рыбы, чем акула. Акула всегда голодна. Она охотится на рыб, морских черепах, и плывёт за китами. Если кит ранен, акула рвёт китовое мясо острыми, как бритва, зубами. Акулы плывут за кораблями и глотают, всё, что выбрасывают с палубы за борт. Даже пустые консервные банки находили в животе у акул.

В тёплой африканской реке, как бревно, неподвижно лежит крокодил. Подойдёт какой-нибудь зверь к реке напиться воды, крокодил бросается на

него, хватая огромной зубастой пастью и тащит в воду. Большой крокодил даже верблюда может утащить в воду и съесть.

У крокодила сильный хвост. Ударом хвоста крокодил опрокидывает лодку.

Удавы живут и в Африке, и в Южной Америке, и в лесах Индии. Удав — самая большая змея. Бывают удавы больше десяти метров длиной, а толщиной — с бревно. Удав не ядовит. Он неподвижно лежит, свернувшись кольцами, на звериной тропе и ждёт. Идёт по тропе на водопой дикая свинья, удав молниеносно кидается на добычу, обвивает, как резиновыми кольцами, своим телом и душит.

Удав медленно заглатывает свою добычу с головы и потом лежит, раздувшись, много дней неподвижно: переваривает добычу.

Как прилетят ласточки из-за моря домой, сразу начинают строить гнезда.

Лепят ласточки своё гнездо из речной глины или просто из грязи. С рассвета до вечера с щебетом летают ласточки, носят в клювиках глину и лепят, лепят — строят гнездо. Вот уж и готов глиняный шар, под крышей сарая — ласточкино гнездо. Изнутри выстилает его ласточка мягкими травинками, конским волосом, перышками. Как выведутся птенцы, с утра до вечера летает ласточка над рекой и над полем, ловит насекомых, выкармливает птенчиков.

Вырастут молодые ласточки и покинут гнездо, скоро пора в дальний путь собираться, за моря, в теплые страны.

Над лесной речкой на ветке неподвижно замер зимородок. Мелькнула на дне рыбка, зимородок быстро нырнул, вынырнул и полетел к себе в гнездо с рыбкой в клюве. Гнездо зимородка — пещерка в обрыве над рекой. Зимородок питается рыбой. И птенцов выкармливает рыбой. И пол и стены пещерки выложены изнутри рыбьими косточками.

Зимой ворона на окраине города на мусорных свалках кормится, смотрит, где что плохо лежит — кость утащит или картофелину с балкона. В мороз всё идет в пищу.

Весной, как только зазвенят ручьи, ворону не увидишь в городе — она улетает в лес, строить гнездо.

Гнездо ворона строит из прутьев и веточек, где сучья сплелись у дерева на развилке.

Как постройт гнездо, снесет яйца, сидит не каркнет, а то ястреб услышит.

Днем не увидишь летучую мышь. Она спит в дупле старого дуба — это её гнездо. Уцепилась коготками за стенку дупла и висит вниз головой.

У летучей мыши на животе мышата. Они вцепились в её шерстку и спят.

Но как только солнце зайдет за вершины деревьев, мышата разевают рты и начинают верещать.

Летучая мышь бесшумно выскальзывает из дупла и вместе с мышатами летает над лесными полянами, над реками, ловит майских жуков и кормит мышат.

Гнездо паука-серебрянки на дне лесной лужи. Он сплёл из паутины гнездо-напёрсток и прикрепил его паутинками к веточке водяной травы. Целый день паук-серебрянка нырял сверху на дно, носил на мохнatom брюшке капельки воздуха. Когда гнездо стало как воздушный шарик, вывел в нём паучат.

Не страшны паучатам никакие птички, никто их не склюёт на обед — гнездо-то у них под водой.

В Балтийском море, и в Белом, и в реке Неве живёт колюшка, маленькая рыбка в пол-ладони. На спине у неё девять острых колючек, чтоб от хищных рыб защищаться.

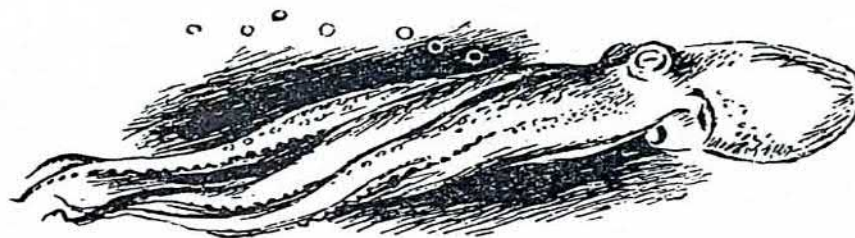
Весной колюшка не выпускает свой икринки в воду, а строит для них гнездо. Всё идёт в дело: и подводные травинки, и кусочек дерева со дна — всё вплетает колюшка в круглое гнездо. Колюшка то плавает вокруг гнезда, то потрётся об него боком — попробует, прочно ли. Вдруг увидит большую рыбу, растопырит колючки и бросается на неё.

Но вот гнездо готово, и мама-колюшка откладывает в него всего штук пятьдесят икринок. Зато отец-колюшка так охраняет гнездо, что ни одна икринка, ни один малёк не погибает.

У скалистого берега, на дне моря построил свой домик осьминог. Сначала он подвинул щупальцами один камень, потом второй, сверху взгромоздил третий и... домик осьминога готов!

Осьминог заболз внутрь, и его не видно. Камни серые, и осьминог серый. Осветит дно солнце, осьминог жёлтым станет. Проплывёт мимо рыба и ничего не заметит, а осьминог бросится на неё и схватит, обовьёт своими щупальцами с присосками и съест.

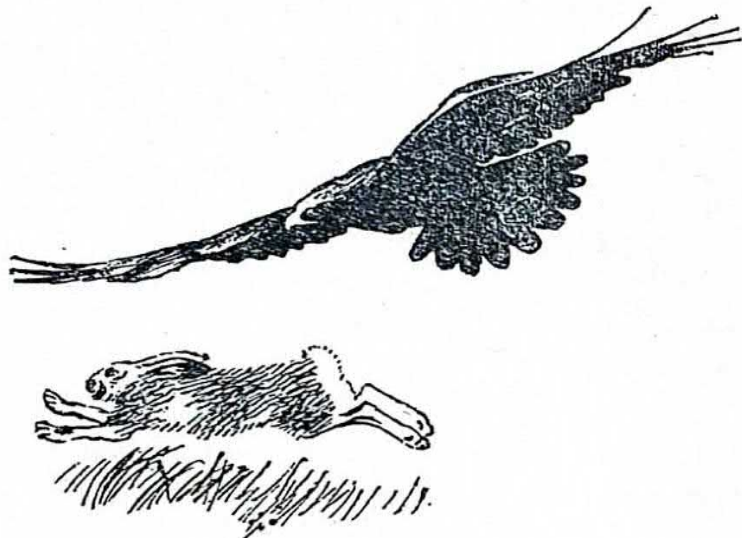
На скалистых островах Белого моря гнездятся большие утки — гаги.

На Севере и летом налетит холодный ветер — и становится холодно, как зимой.

Но гагам не страшен холод. Гагачий пух самый тёплый и лёгкий. Ни один мех с ним не сравнится. Нет ничего теплее его на земле.

Гага устраивает своё гнездо в ямке на земле, выщипывает у себя на груди пух и устилает им дно гнезда. Когда гага ненадолго уплывает в море, кормиться, она сверху укрывает яйца пухом. Как выведутся птенцы, гага сразу уводит их в море. Там они плавают, ловят рачков и рыбок, пуховыми шариками качаются на волнах Северного моря.

Высоко́ в небе́, распласта́в кры́лья, кружи́т орёл-бе́ркут. Как бы высоко́ ни лета́л бе́ркут, он ви́дит све́рху и пробега́ющего за́йца, и су́слика, и черепа́ху. Ка́мнем па́дает бе́ркут на добы́чу, хвата́ет когтя́ми и бе́ет тяжёлым клю́вом. Черепа́ху бе́ркут поднимáет высоко́ в небе́, броса́ет на о́стрые ка́мни и клюёт мя́со из разби́того па́нциря.

В ЛЕНКОРАНИ

На южном берегу́ Каспíйского мо́ря, в Ленкорáнском запове́днике, древе́сные лягу́шки¹ про́буют го́лоса́, гото́вятся к весне́.

Бу́йволы залёзли в тёплую лу́жу. На них крича́т, го́нят, а бу́йволы жу́ют жва́чку и лени́во посма́триваю́т во́круг, не хотя́т вылеза́ть: со́лнышко их размори́ло.

В ку́стах ору́т скворцы́. О́ни улетели́ от моро́зов к тёплому мо́рю. На телегра́фных столба́х сидя́т ко́ршуны: нахо́хлились, поджида́ют, когда́ скворцы́

¹ Древе́сная лягу́шка — лягу́шка-древесни́ца; на ла́пах у неё присоски́ для ла́зания по дере́вьям.

вылетят из кустов. Подальше на лугах щиплют траву дикие гуси, казарки.

На рисовых полях живут водяные черепахи с мягким панцирем и оранжевым брюхом. Шея у черепахи длинная, чтобы за мальками охотиться под водой.

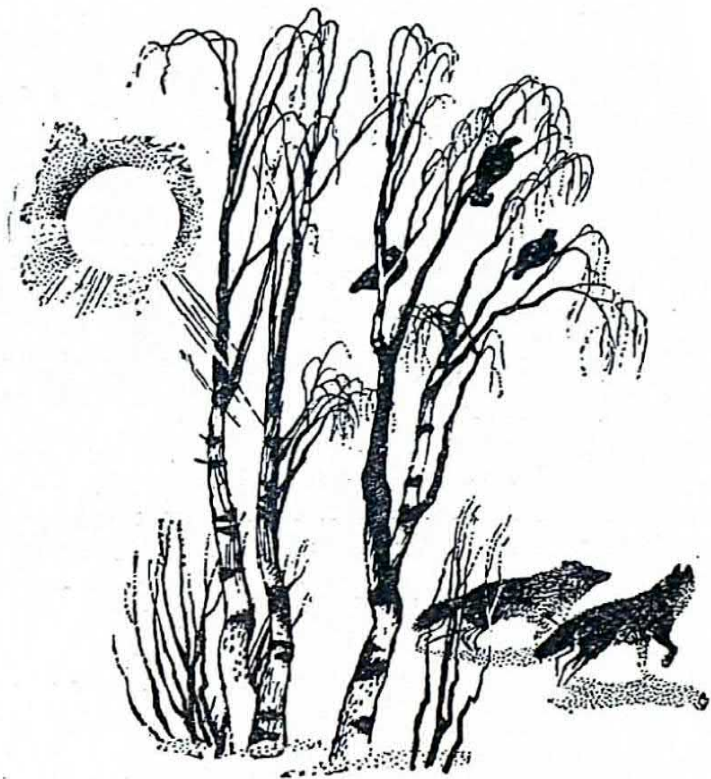
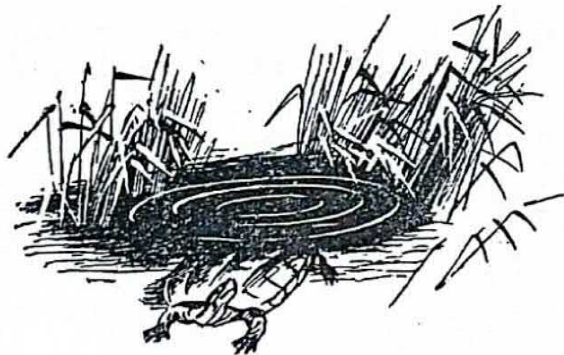
Море мелкое, можно далеко уйти, вода чуть выше колена. На берегу стеной стоит тростник выше человеческого роста. В тростнике кабаны пробили узкие тропы.

На озере растёт лотос и рогатый водяной орех — чилим. В озере отражаются клочки южного неба, синие-синие, как султанские курочки. Как ни тепло в Ленкорани в январе, а султанские курочки ушли дальше на юг, где ещё теплее.

Иногда налетит северный ветер, пойдёт снег, птицы заволнуются, загалдят, потянутся на юг розовые стаи фламинго. Утром выглянет солнышко, снег растает.

В Талышских горах ореховые леса чернеют под синим небом. Ночью в ореховой чаще загремит иглами дикобраза, сычик крикнет на вершине дуба.

Сычик увидел, как тигр бесшумно идёт по оленьим следам. Вобрал когти, и лапы стали мягкие, как подушки. Не треснет под тигриной лапой сучок, не зашелестит сухой лист.

Февраль — кривые дороги. Бураны дорогу заносят, приходится объезжать.

Февраль — месяц перевальный. В солнечные дни тетерева уже начинают петь на деревьях, на опушке леса. Бормочут: «Бур-бур-бур! Бур-бур-бур!» — Большая синица начинает петь. Вороны улетают из городов и в чащобах ищут место для гнезда, но не на верхушках, а в «полдерева». Ворона в это время не каркает, место для гнезда ищет молча, тихо.

В феврале волки кончают ходить стаями, разбиваются на пары.

У медведицы рождаются медвежата с рукавицу величиной, весят граммов по четыреста. Берлогу медведица ещё с осени утеплила, надрала коры с ели и осины, сверху мохом выложила.

В начале месяца подо льдом налим кончает метать икру на перекатах, на камушках и уходит вглубь.

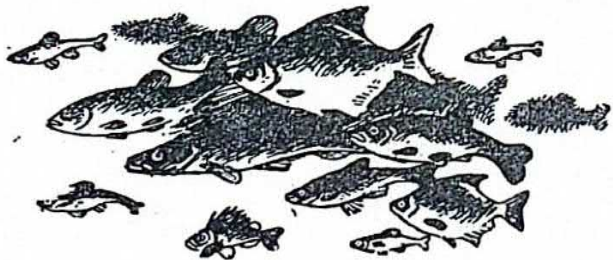
Люди следят, чтобы проруби на прудах не замёрзли и снегом их не занесло. В февралё зимá напоследок свирепствует, снега много, как одеялом, накроет пруд, тростник и осоку засыплет, а по ним воздух проходит в воду. Если за прорубями не следить, рыба задохнётся, будет «замор».

В тёплые дни в саду, вокруг яблоневых стволов, снег оттапывают, чтобы он медленнее таял и корни получали больше влаги. Откапывают в саду ветки, занесённые снегом, а то снег садится и обламывает их.

Солнечных дней всё больше, и по утрам чёрный дятел поёт: «Тррры-тррры!»

В Якутии солнце всё дольше освещает бескрайнюю тайгу и синие вершины Верхоянских хребтов. День прибавляется.

Лёна, скованная льдами, застыла широкой белой дорогой. Мороз ещё силен, но подо льдом осетры уже проснулись в ямах.

Из лесотундры откочёвывают на север олени, разрывают копытами ямы в снегу — ищут мох ягель.

За ними летят белые куропатки, клюют в ямах мёрзлые ягоды, травинки.

Стаи волков идут за оленями и куропатками на север, к Ледовитому океану. Зазевается олень — волки загрызут его, куропатка не успеет взлететь — схватят.

В дрейфующих льдах Ледовитого океана тюлени всё чаще вылезают из полыньи на лёд. За тюленями охотятся белые медведи. Медведицы лежат, ещё занесённые снегом, под скалами, на берегу. Они не роют берлогу в мерзлоте, они ложатся, их заносит пургой, и в такой снежной пещере рождаются медвежата.

Сайка в январе — феврале выметала у берегов икру и сейчас отходит подо льдом в открытый океан. Сайка — самая холодноводная рыба. Она живёт и на Северном полюсе, где не водится ни треска, ни навага.

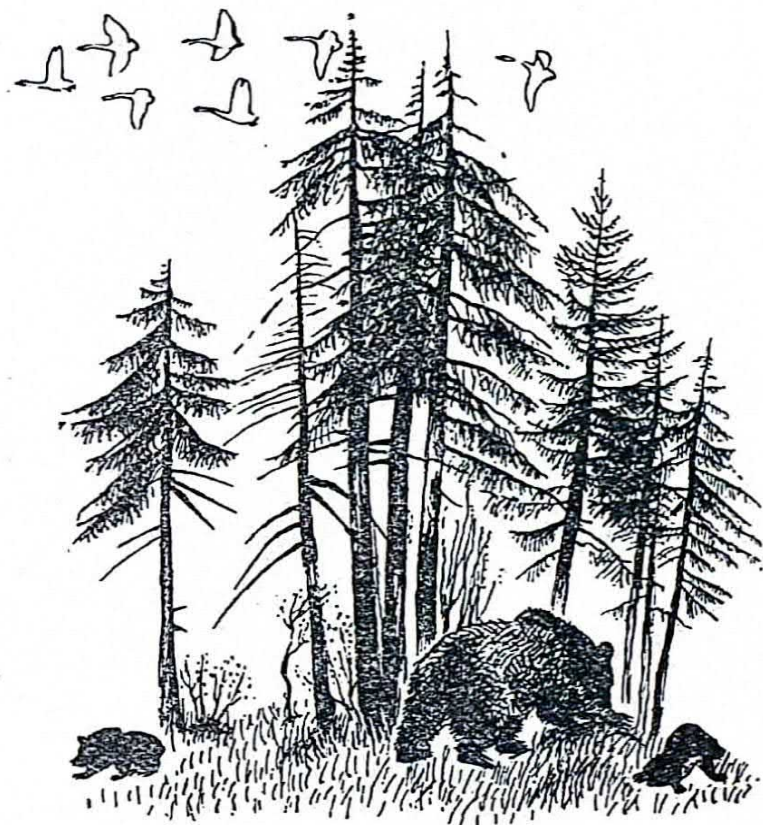
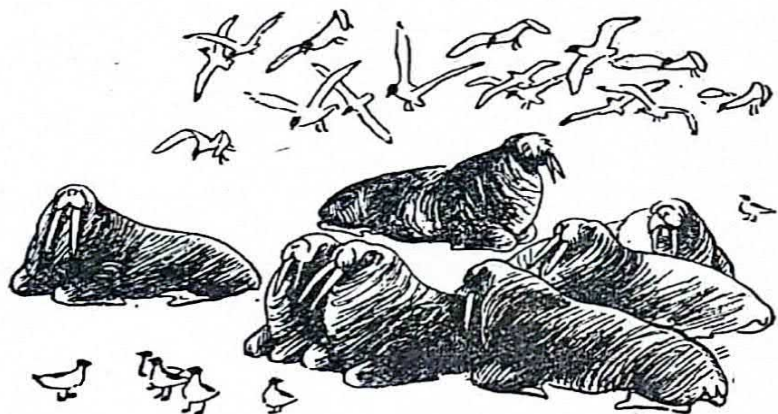
За Ново-сибирскими островами в незамерзающей Великой Сибирской полынье зимуют моржи, чистики¹, розовые чайки. Грудь розовой чайки как морозный закат над тундрой.

Морж заноривает на пятьдесят метров и вспахивает дно мордой. Он ищет корм. Усы у моржа как антенны, они нащупывают в песке раковины моллюсков.

В полынье держатся киты-нарвалы, с длинным костяным бивнем на конце рыла.

К весне полынья становится всё шире, льды расходятся, и в конце июня моржи приплывут к берегам летней тундры.

¹ Чистик — водяная птица.

Апрель. Высоко в небе курлычат журавли. Птицы стаи летят на север. Снега с каждым днём всё быстрее отступают.

Из берлоги вылезла медведица с медвежатами, медвежата раскапывают муравейники, по мшистым кочкам ищут прошлогóдную клюкву. На рассвете токуёт глухарь, как будто стучат друг о дружку деревянные палочки.

Как только появились полыньи на Ангаре, прилетели туда первые лебеди. Если похолодает, улетят

на юг, к границе снегов. На уборах — высоких берегах Подкаменной Тунгуски чернеет земля, цветёт мать-и-мачеха. Дикие гуси садятся на эти уборы. Как солнце пригрееет, на снегу появляются паучки. Они собираются на чёрных веточках, листиках: здесь им теплее. Бурундуки проснулись и свистят, гоняются друг за другом, дерутся, скатываются кубарем с лиственниц.

На южных склонах гор, на сухих бугорках, в желтой прошлогодней траве оленихи рожают оленят.

В Туркмении ещё в конце марта в пустыне отцвели тюльпаны и гиацинты. Днём жарко. Кобры танцуют, подолгу раскачиваются одна перед другой, раздувают капюшоны, обвивают друг друга, борются.

В таджикских и узбекских кишлаках во всех дворах слышны крики перепелов. Клетки с перепелами накрыты марлей, чтоб они друг друга не видели. Хозяин перепела спрячет его в рукав халата и пойдёт в гости, где его перепел будет драться с другими — кто кого победит... А пока клетки с бойцовыми перепелами висят на цветущих миндальных деревьях;

идёшь по кишлаку, и отовсюду перепела «бьют»: «Фать-фаль-вать, фать-фаль-вать, фать-фаль-вать!»

В Казахстане верблюды в апреле не даются под выюки, убегают в степь и танцуют танец весны: один верблюд начнёт прыгать, отплясывать, за ним все запляшут, затопают то передними ногами, то задними.

Маки в степи цветут, вся степь красная. Когда цветут маки, в степи рождаются голубые верблюжата, они на тонких ножках, с тремя горбиками — как подрастут, третий горбик исчезнет.

В Астрахани жарко. Цветут маленькие степные тюльпаны в лугах и на островах, в степи и в дельте Волги.

Над камышовыми крепями стаи птиц кричат, поют. На отмелях цапли-чепуры. Дерутся турухтаны на лугах. Началось время гнездований. Садятся на гнездо пеликан, цапля. Фламинго лепят из глины гнезда, высокие, как башенки. Сидит фламинго на гнезде, а ноги по обе стороны свешиваются, до земли не достаёт.

Над Каспием белые паруса. В море выводят «стойки» под парусом и ставят на якорь на всю путь. На «стойках» будут рыбу потрошить, засаливать. Идёт пузанок — мелкая сельдь — и черноспинка — крупная сельдь.

Вода в дельте поднимается с каждым днём всё выше — тают снега в верхнем течении Волги.

Цветёт камыш. Камышинки шевелятся — это морской сазан об них трётся, идёт с икрой вверх по Волге. Идут из моря на Волгу метать икру осётр и вобла.

А далеко на востоке, в южной части Сахалина, с моря в реки несметными стаями идёт метать икру корюшка. Апрель на Южном Сахалине — «месяц корюшки».

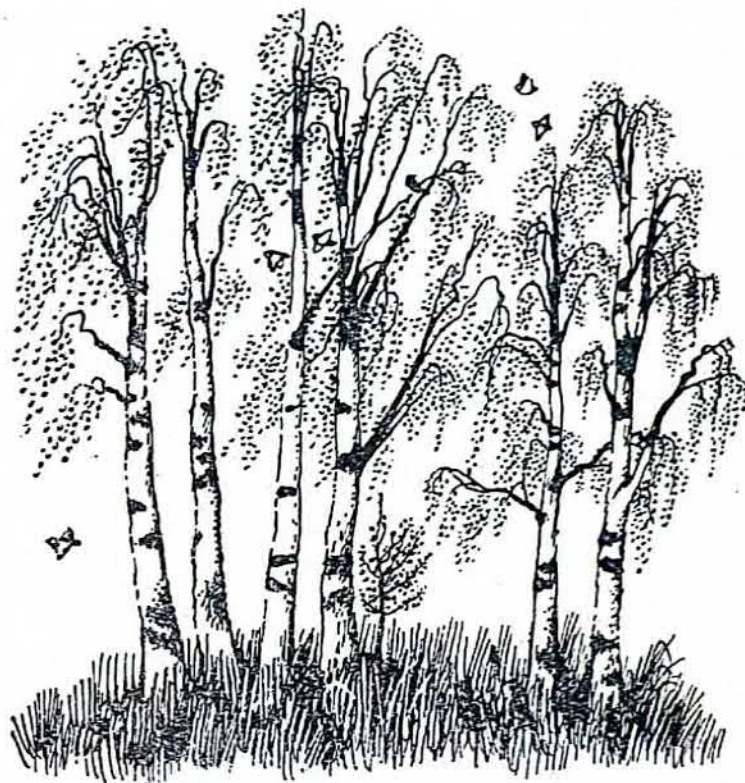
Мальчишки лезут в воду, ловят корюшку сачками, вялят её на солнце. Корюшка висит на нитках гирляндами. И в городах и в сёлах окна и стены домов горят серебром, всюду серебряные гирлянды. Пахнет корюшка свежим огурцом.

Котики уплывают на лежку на остров Тюлений, к заливу Терпения.

А на Северном Сахалине ещё снег, холодно, но и здесь уже токует глухарь.

К берегам Камчатки вдоль Курильской гряды спешат сэкватора кашалоты. Кашалотики приплывут позже, в мае. Они любят тепло, а здесь сейчас ещё льдины в океане. Кашалоты яростно дерутся, бьют друг друга мордами-кувалдами, кусают огромными зубами; у старых кашалотов морды все в шрамах от прежних боёв.

В Заполярье ещё зима, на острове Диксон мороз пятьдесят градусов, но солнце с каждым днём светит всё дольше. В Великой Сибирской пустыне зимуют белухи, киты-нарвалы, розовые чайки. Ожились моржи: скоро лёд разомкнётся и они поплывут к берегам Чукотки на лежбища.

Б Е Р Е З А

В поле стоит берёзка. Она точно живая, вся трепещет на ветру зелёными листочками.

Берёзовая роща весной звенит от птичьих песен. Походишь по берёзовому солнечному лесу, потрогаешь белые стволы и клейкие листочки, посмотришь, как ветер сдувает жёлтую пыльцу с сережек, послушаешь, как поёт скворец, — и станет тебе легко и радостно.

Зимой, как покажется над лесом солнце, берёзка заблестит, загорится на морозе серебром.

Зимним утром прилетают на берёзу тетерева и клюют бурые серёжки.

Лиса подкрадывается к тетеревам по чистому полю. Тетерева видят её издалёка. Дождутся, когда лиса убежит ни с чем, и падают с берёзы в снег, проламывают ледяную корочку и, сытые, греются в снегу.

И зимой и летом хороша берёза, недаром про неё сложили столько песен и называют её ласково — берёзка.

И В А

Ива растёт у воды. И за Полярным кругом, и на берегах широких сибирских рек, и в жаркой пустыне на берегу солёного озера — везде можно встретить иву.

На берегу лесной речки растёт плачущая ива. Она склонилась над рекой, опустила ветви в воду.

Вечером, когда на болоте закричит лягушка-жерлянка¹, под ветвями ивы щука подстерегает мальков.

На утренней заре, когда над рекой поднимается туман, ива видит, как ходят в реке стаи красноперых язей и раскрываются белоснежные кувшинки.

Весной, в половодье, только верхушки ив торчат над заливым лугом. На затопленных ивах спасаются зайцы, лисы, ежи. Сидят все вместе, только лапки подбирают подальше от воды. Лиса в это время не трогает зайцев. Половодье — беда, звери в беде спасаются все вместе.

Весной иву называют вербой. На ветках ивы распускаются серебристые «барашки». Ребята прибегают к вербе, срезают ветки, ставят дома в бутылку с водой, и через несколько дней «барашки» зацветают.

Из пушистых шубок показываются жёлтые зёрнышки — это цветы ивы. В это время к цветущей вербе слетаются пчёлы за первым мёдом.

Д У Б

Говорят — крепкий, как дуб! И правда, дуб очень крепок.

Даже в воде может лежать дуб не одну сотню лет и только станет чёрным и твёрдым, как железо.

Растёт дуб сотни лет, и не могут его согнуть ни ветер, ни жестокий холод зимой. Молния ударит в одинокий дуб, опалит огнём, и всё равно весной распустятся на чёрных ветках зелёные листочки.

Дуб распускается позже всех деревьев. Лес уже

¹ Лягушка-жерлянка — лягушка, похожая на жабу, с серой спиной и оранжевым брюшком, издаёт укающий звук.

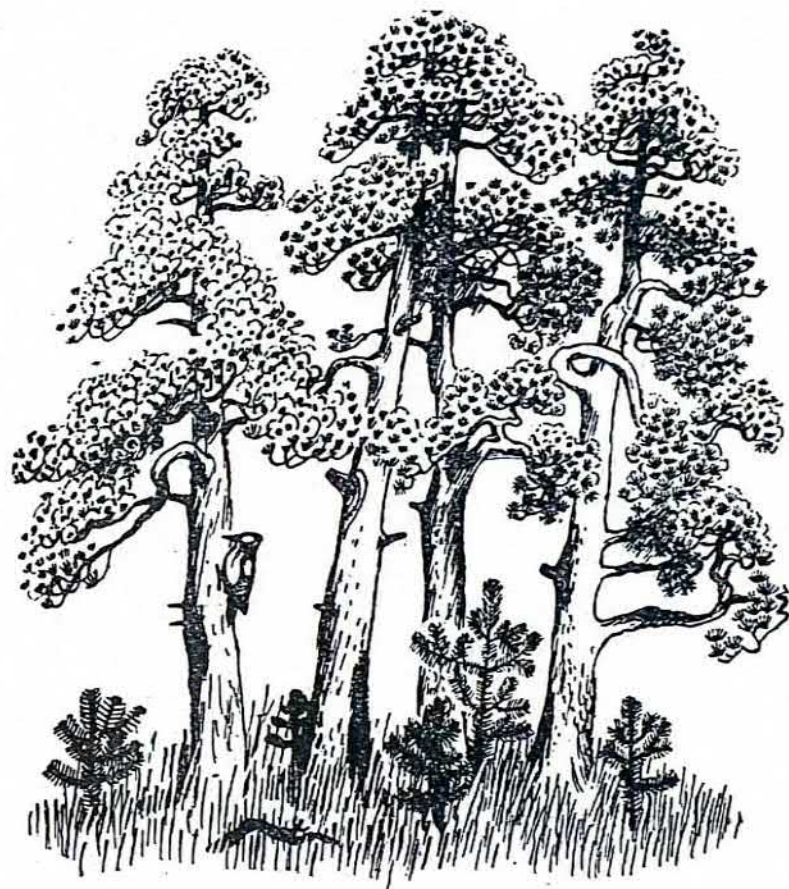
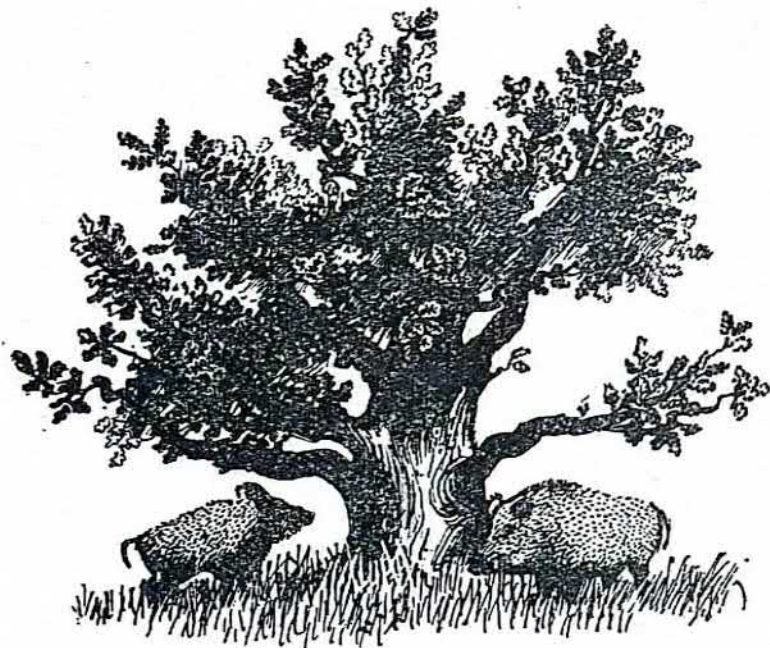
зелёный, а дуб один чернеет в чистом поле. Зато дуб дольше всех деревьев стоит с листвою.

На морозе листья на дубе пожухнут, свернутся в трубочки и не опадают всю зиму. Когда идёт снег, в тишине слышно, как снежинки шуршат по листьям.

В дубовой роще ночью кормятся кабаны желудями, а в дупле живёт сыч и зимуют летучие мыши. Повиснут в дупле вниз головой и всю зиму спят.

Осенью сойка подбирает желуди и прячет по всему лесу про запас на зиму.

Иногда смотришь, за рекой растут молодые дубки. Удивляешься: ветер не мог занести туда тяжёлые желуди. Это сойка забыла про свой запас, и они проросли.

СОСНА

Хорошо в сосновом бору. Сидишь под сосной на сухих иголках и слушаешь, как пёстрый дятел долбит ствол, потом с криком перелетит на другое дерево. За дятлом летят синички.

Клюв у дятла, как долото, продолбит дырку, достанет жука-короёда, а у синичек клювы маленькие, слабые. Вот синички и летают за дятлом и достают после него жучков и червячков.

Улетели синицы, только слышно, как ветер шумит в сосновых вершинах и чешуйки сыплются сверху, как будто сосна шелушится.

На закате красной медью горят сосновые стволы. Скоро стемнеет, и всё равно не хочется уходить из соснового бора.

В еловом лесу туман ползёт над болотом, а в сосновом бору воздух смолистый, сухой, потому что сосна растёт на сухих песках и на склонах гор.

Сосна — очень древнее дерево. Прédéки сосны росли на земле много миллио́нов лет наза́д. На берегах северных морей волны выбрасывают окаменевшую смолу сосен. Она называется янтарём. Бывает, что в кусках янтаря находят мух, которые миллионы лет наза́д увязли в сосновой смоле и сохранились до нашего времени.

ЛИСТВЕННИЦА

Когда летишь летом на самолёте над горной лиственничной тайгой, горы сверху кажутся голубыми, потому что хвоя у лиственниц голубоватая.

Осенью, когда загудит в ветвях северный ветер, мягкая хвоя на лиственницах покраснеет, загорится кострами среди вечнозелёных кедров.

Зимой иголки на лиственнице опадают, как листья на берёзах и осинах, поэтому и называют это дерево лиственницей.

От Уральских гор до Тихого океана растут лиственницы — это самые многочисленные деревья в нашей стране.

За Полярным кругом тоже растут лиственницы, только они чахлые, как паутинки на снегу.

В Саянских горах, на берегах широких и быстрых рек, стоят лиственницы — великаны двадцатиметровой высоты. В тени их ветвей не могут расти другие деревья. Далеко видно, как пробегает олень между красными стволами да глухарь поклёет мягкую хвою и тяжело опустится на берег таёжной реки.

К Е Д Р

Кедр — кормилец тайги.

Осенью лазают по кедру бурундуки, набивают зашёрстные мешки кедровыми орешками. Кедровки с криком прыгают с ветки на ветку, шелушат шишки. Набьют полный зоб и медленно летят ещё выше в горы прятать орешки под камнями — делают запасы на зиму.

Медведь отъедается перед зимней спячкой кедровыми орешками. Залезет на кедр, обломает вершину и жуёт шишки с орехами.

Бывает такой год, когда нет орешков на кедре. Наступает голод в тайге — тайга вымирает. Можно пройти сотни километров и не услышать ни криков кедровки, ни бормотанья бурундуков. Только синицы попискивают в ветвях да жалобно кричит чёрный дятел.

Птицы улетают в поисках корма за горные хребты. Голодные медведи не ложатся в берлоги, бродят по тайге, обмораживают лапы, подстерегают охотников у таёжных избушек.

Охотники узнают про неурожай кедра от бурундуков: если в бурундучьей норке орешков десять — пятнадцать килограммов вместо восьми, значит, на будущий год жди беды — кедр не уродится. Бурундук чует заранее — будет голод, и запасается.

Хорошо, что такое несчастье в тайге бывает редко, иногда раз в сто лет. В такие годы охотники возвращаются из тайги без соболиных и беличьих шкурок — белка ушла, птицы улетели, а за ними ушёл и хищный соболь.

Прекрасны одинокие кедры в горах. Высоко в синем небе вытянули кедры зелёные ветки к солнцу. Не страшны им зимние бури, никакому ветру не согнуть мощный кедр.

С А К С А У Л

Туркмены говорят: саксаул не терпит воды!

В самой знойной пустыне, где днём ящерицы и змеи зарываются глубоко в песок, чтоб не испечься, растёт саксаул.

Саксауловые заросли кажутся мёртвыми. Только слышен иногда в тишине крик саксаульной сойки да ящерка запищит, спасаясь от змей.

Голые, искривлённые, словно каменные, стоят на вершинах барханов саксауловые деревья. Даже весной, когда в пустыне зацветают тюльпаны и дикие гиацинты, только крошечные розоватые и белые цветочки распускаются на ветках саксаула.

Саксаул не даёт тени, листья у него узкие. Ведь широкие листья испаряют много влаги, а чтобы добраться до воды, корни саксаула уходят в песок на двадцать и больше метров. Корни укрепляют барханы, не дают им передвигаться, когда поднимается ветер.

Саксаул не даёт пескам засыпать кишлаки, сады и арыки. Семена саксаула люди сеют в пустыне, закрепляют пески.

КАРЛИКОВАЯ БЕРЕЗКА

Осенью тундра красная. Среди красных кочек блестят на солнце голубые озёра. Да это совсем не кочки, а берёзки растут. Настоящие берёзки, только листья у них с копёйку и ветки толщиной с карандаш, а сами они чуть выше колёна и кора у них чёрная.

Карликовой берёзке много десятков лет, и всё равно она маленькая, искривлённая, потому что в тундре ей очень трудно расти.

Корни глубоко не пустишь в землю: полметра — и вечная мерзлота. Ветки не вытянешь к солнцу — зимой мороз и пурга, а лето короткое.

И всё равно весной карликовая берёзка покрывается зелёными листьями.

Вокруг цветут жёлтые полярные маки, высоко в синем небе пролетают дикие гуси...

Под карликовой берёзкой устраивает своё гнездо полярная сова — прямо на земле лежат круглые яйца.

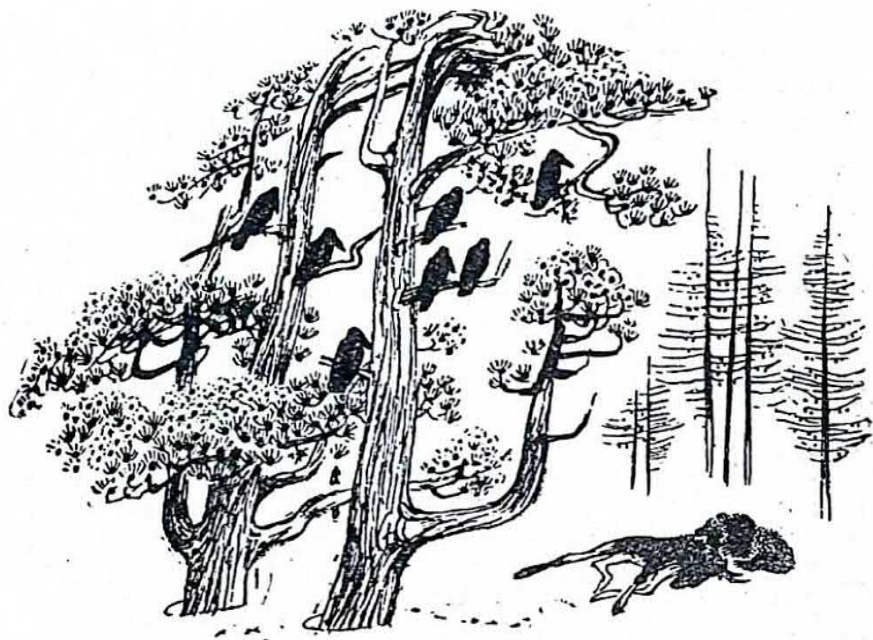
Быстро пройдёт два летних месяца, подуют холодные снежные ветры с Ледовитого океана, листки на карликовой берёзке покраснеют. Красива тогда красная берёзка среди заснеженной тундры.

Зимой метель занесёт берёзку, и наступит полярная ночь. Только на небе играют голубые сполохи северного сияния да песцы бегают по тундре, ищут пеструшек — полярных мышей.

В марте далеко над тундрой небо посветлеет и покажется край солнышка. С каждым днём всё выше поднимается солнце над тундрой, всё дольше освещает снежную пустыню тусклым светом.

Скоро затрещит лёд на реках, прилетит полярный воробей пучок, и наступит весна — наступит праздник для карликовой берёзки.

В САЯНАХ

В Саянских горах есть хребет. Тувинцы называют его Эргак Торгак Тайга — Большая Великая Тайга.

Снежные вершины блестят на солнце, и тайга сверху кажется мёртвой. В тишине печально закричит чёрный дятел, да пролетит кедровка в зелёных кедрах.

Налетит ветер, стряхнёт с лиственниц в распадке золотые иголки на снег — и снова тишина. Не слышно птичьих голосов, и кажется, что нет больше ни зверей, ни птиц. Но это только кажется.

Лоси и олени сейчас на южных склонах гор, на солнцепёках.

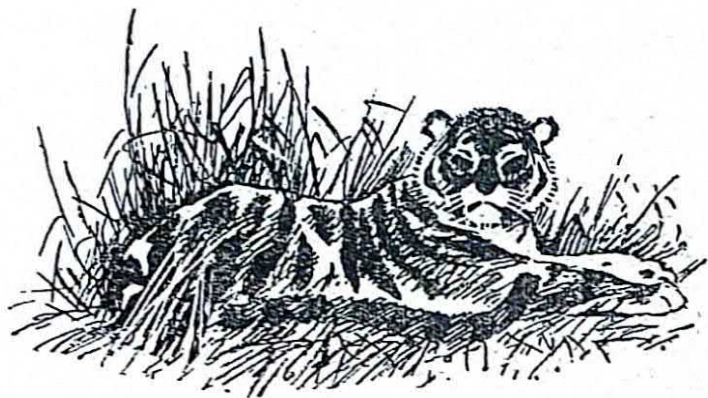
На снегу цепочка соболиных следов. На поляне следы оборвались, чернеет кучка глухарьих перьев. Глухарь не успел взлететь, соболю вцепился глухарю в горло и... остались на снегу только перья да пятна крови.

Только что тайга была мёртвая, но вот за десятки километров слетаются вороны. У воронов свои сигналы и свои законы. «Сегодня добычу нашёл я — позову других. Завтра добычу найдёт другой — позовёт меня». Медведь-шатун нашёл добычу, он ест, а вороны сидят на кедрах, ждут, когда он отойдёт от туши. С карканьем налетят, начнут клевать мясо.

Вечером закат был красный, и ночью подул северный ветер. Загудела тайга, закурились снега на вершинах гор. Звёздочка загорелась высоко в чёрном небе. Налетела туча, звёздочка погасла.

Далеко в тайге горит огонёк. Это светится окно охотничьей избушки. Потрескивают дрова в железной печке. Охотник сидит за столом, набивает патроны. К рассвету пурга заметёт старые следы зверей, и рано утром соболю выйдет на охоту, оставит свежий след. Лайка загонит соболя на вершину кедра. Будет лаять на соболя, он зафыркает на лайку, а охотник подойдёт незаметно и убьёт соболя.

А Р А Л

Я слышал, в Аральском море так много рыбы, что если сапог бросить на дно, а потом вытащить — бычков набьётся полный сапог.

Был май. Поезд мчался в пустыне. И справа барханы и слева. Растут на барханах бурые колючки и большие, как зонтики, и круглые, как плюшевые подушки, шевелятся на ветру, ползут...

Это не колючки, а верблюжьи горбы. Стадо верблюдов пасётся. Зимой отощали, верхушки горбов свесились набок и покачиваются. Пустыня бурая, и шерсть верблюжья бурая, и саксаул издали бурий.

Между шпалами на тонких стебельках цветут маки. Поезд мчит над ними — маки прижались к земле. Промчится последний вагон — опять подняли головки.

Только лепестки, сорванные вихрем, медленно опускаются на рельсы.

Чёрная собака остановилась, понюхала лепесток и... не переводя духа, бросилась догонять поезд.

Эта чёрная собака — борзая тазы, она бежит за поездом не отставая.

Кто-то бросил в окно косточку. На лету схватила и съела её тазы. Пассажиры выглядывают в окно, показывают на чёрную собаку пальцами:

— Посмотрите, какая тощая собака!

Они не знают, что борзая тазы с подтянутым животом, тонкими ногами десятки километров пробежит в пустыне за антилопой-сайгой и не устанет.

Среди жёлтых песков блеснуло Аральское море, синее, как перо зимородка.

На станции мальчишки продают связки копчёных лещей. Окно открыли, сразу запахло рыбой.

В Аральске во дворах стоят верблюды. Над глиняными заборами одни головы верблюжьих видны и верхушки горбов. Верблюд смотрит сверху и жуёт жвачку. Если за глиняной стеной есть верблюжонок, верблюд может плюнуть, близко не подойдёт. На верблюдах здесь возят саксаул на дрова.

За Аральском рыбачий стан на берегу. Верблюды, тяжело ступая, тянут невод. Над костром вода в котле кипит. Скоро уха будет из сазанов морских, огромных. Одного сазана еле поднимешь, а в неводе их сотни, только верблюды могут столько вытянуть.

Когда уху поели, один рыбак рассказывал, как он встретил тигра в тростниковых джунглях в дельте Амударьи:

— ...Лодочка в берег ткнулась, смотрю, лежит на берегу и на меня глядит, не шевелится, только кончик хвоста играет. У меня от страха волосы шапку на голове подняли. Хотел шестом лодку оттолкнуть — боязно.

Так и остолбенел, не шевельнулся, пока лодку на быстрине не унесло. И сомов мне не надо — только скорее домой. С тех пор без ружья в тростники не хожу рыбачить!

А сомы в Амударье громадные. Рыбак его на спине тащит, а хвост у сома в пыли волочится. Такое чудовище диких уток глотает.

На берегу под камнями скорпионы сидят, и ещё в песке нашёл я раковину окаменелую, блестит, синевой отливает. Раковине этой миллионы лет. Раньше, очень давно, на месте пустыни было море. Если поискать, зубы акул найдёшь. Каждый зуб величиной с ладонь. Коричневый, острый и по краям зазубренный, как пила.

Вечером, над пустыней, на том месте, где солнце потухло, зажгётся зелёный луч. Чёрный песчаный смерч закрутит столбом. Всё ближе, ближе несётся. Верблюды, как увидели этот столб, сразу легли. А то налетит, закружит, поднимет и бросит на землю.

Всякое бывает в пустыне.

В ЗАПОВЕДНИКЕ

Под городом Воронежем есть бобровый заповедник. Там на лесных речках живут бобры. Они перегородивают речки плотинами и на берегу прудов строят хатки.

В заповеднике нельзя рубить деревья и охотиться, чтобы не пугать бобров.

Заповедник устроен для бобров, но олени, кабаны и другие звери знают, что здесь их не тронут охотники, и тоже живут в заповедном лесу.

Я приехал в заповедник в июне и стал жить в избушке у лесника-наблюдателя. Один раз взял я у него велосипед прокатиться по лесным тропинкам.

Далеко от дома заехал, повернул назад, потихоньку еду, слушаю, как иволга кричит за речкой...

Вдруг барсук из кустов как выскочит, хотел через тропинку перебежать, прошмыгнуть, да угодил прямо под колесо. Я в кусты свалился, встал, поднял велосипед. «Нет, — думаю, — лучше пойду пешком, здесь звери совсем людей не боятся».

И вправду, совсем не боятся. Утром прибежал стрелочник с железной дороги.

— Забирай, — кричит, — своего вредителя, под мостом копает!

Оказывается, бобр молодой плыл вверх по речке, приглянулось ему местечко под железнодорожным мостом. Решил он тут норку вырыть.

Над ним поезд грохочет, а он знай себе роет, всё глубже да глубже.

Бобра поймали, обратно в заповедник принесли в мешке. Он всю дорогу пытел сердито, пока его в речку не выпустили, подальше от железной дороги.

НА КОМАНДОРАХ

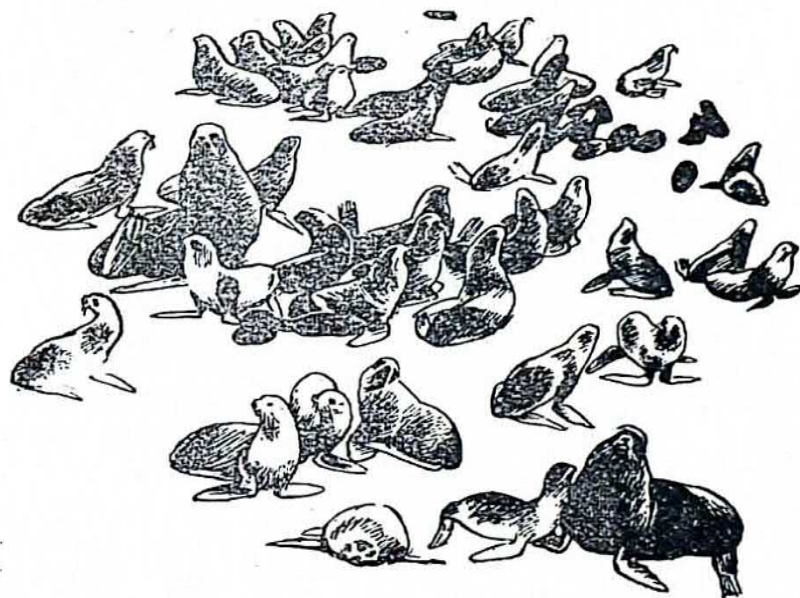
Зимой белыми сугробами торчат Командорские острова в океане. А в июле...

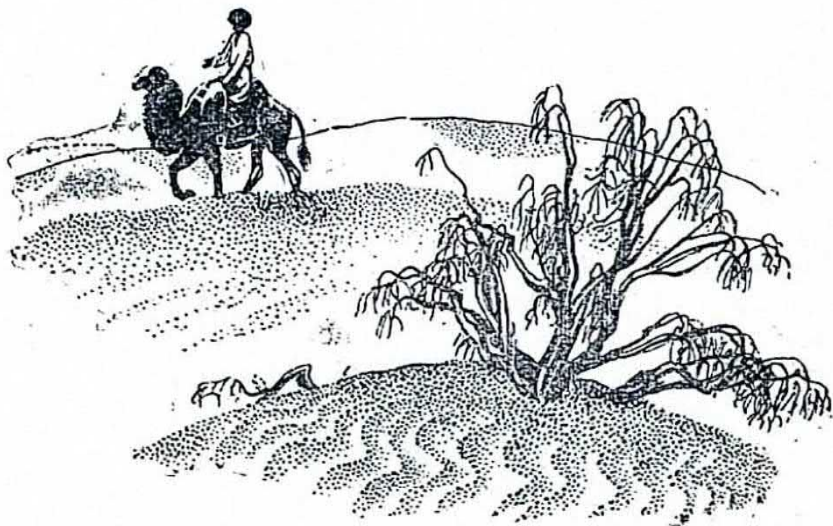
На отвесных скалах — птичьи базары. Кайры вывели птенцов. Птенцы, лёгкие, как одуванчики, прыгают со скал в океан, размахивая крылышками. Кайры летят кормиться далеко от берегов. Будут нырять, ловить рыбёшек. Наедятся сами и птенчикам принесут: те ещё не умеют глубоко нырять, их выталкивает наверх, как пушинки.

Раз в год, летом, приплывают с южных морей к островам котики. На лежбищах они выводят «котят».

Котиков многие тысячи, и у каждой мамы «котёнок». Как они находят тут своих мам? Правда, бывает, что «котёнок» потеряется в скалах, тогда он громко ревет, и мама его находит.

Но вот и «котёнок» подрос, и ему пора привыкать к холодному морю. Он боится, ревет. А мама загоняет его в воду. Ничего, скоро привыкнет, тогда ему так понравится плавать, кувыркаться в воде, что и не загонишь на берег.

ЛЕСНИК ТИЛАН

Далеко за Сырдарьей, на краю пустыни, стоит белый домик. Живёт в нём лесник Тилан.

В августе каждое утро он выводит из сарая верблюда, навьючивает на него мешки семян и уезжает в пустыню. Семена тамариска он разбрасывает по вершинам барханов, семена саксаула раскидывает в низинах. Верблюд идёт быстро, только успевай запускать руку в мешки — слева тамариск, справа саксаул.

Из-под ног верблюжьих во все стороны, как брызги, разбегаются ящерицы-круглогловки. Удавчик мелькнул серебристой пружиной и зашипел издали на верблюда.

К полудню ящерицы и змеи зарылись в песок, чтоб не испечься.

Ящерицы-агамы залезли на тамарисковый куст. На вершине куста, на каждой веточке, сидит неподвижно ящерица, подняла голову и тяжело дышит.

Тилан привязывает верблюда к ветке тамариска; ящерицы не убегают — им некуда бежать по раскалённому песку, а наверху иногда налетит прохладный ветерок.

Тилан развьючивает верблюда, кладёт войлок на песок, свёрху на куст вешает халат и в тени отдыхает.

Пустыня как будто вымерла до вечера. Только варан показавшись на вершине бархана, увидел Тилана и зашипел: Тилан помешал ему ловить ящериц на тамариске.

Варан кидается на куст, ящерицы с писком прыгают свёрху, и варан хватается их.

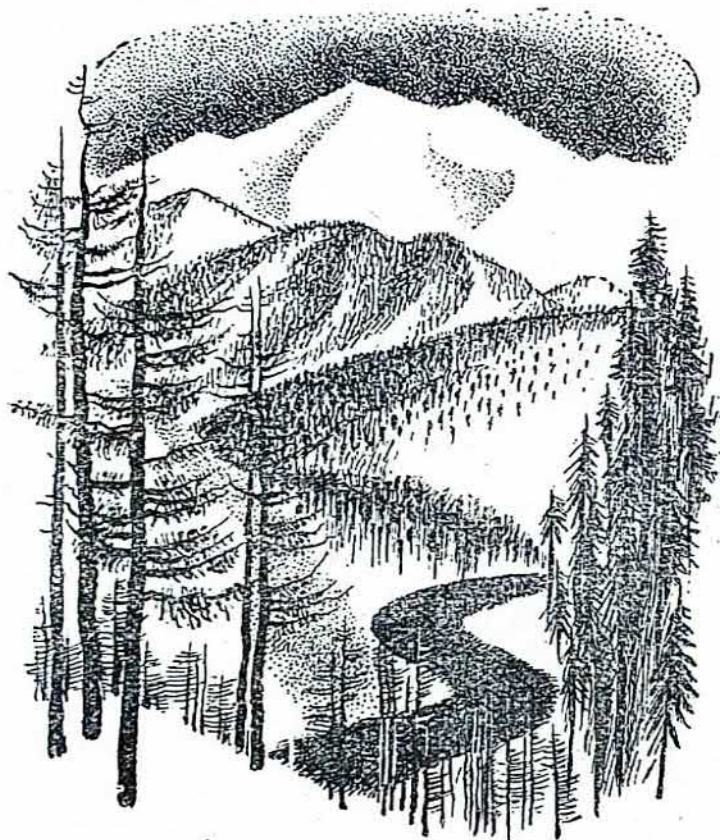
К вечеру жара спадает. Вылезают из нор песчанки, свистят, перекликаются друг с другом. За ними вылезают круглые клещи, похожие на свинцовые пробки, и пустыня оживает.

Вечером, когда Тилан подъезжает к белому домику, на горизонте, как мираж, мелькают антилопы-сайгаки. Они бегут за сотни километров к глубокому колодезю в пустыне.

Всю ночь они будут стоять вокруг колодца и дышать, дышать влажным воздухом. К утру, когда пастухи пригонят овец на водопой, сайгаки убегут в песок.

Каждый день выезжает лесник Тилан засеять песок.

ТАННУ ТУВА

Тувá — это страна голубых озёр и голубой тайги, потому что летом хвоя на лиственницах голубоватая. В Тувé есть не только тайга, но и знойные песчаные пустыни, где ходят караваны верблюдов; горы с вечно снежными вершинами; степи, где растёт трава чий, такая высокая, что в ней не видно всадника.

Высоко в горах растут одинокие кедры, и на рассвете, когда поднимается туман, медведица ведёт своих медвежат к горной речке ловить хариусов, и в тишине слышен крик лесного ворона.

Когда всходит солнце, просыпаются полосатые бурундуки, они сидят на вершинах кедров и греются на солнце. На озере огромный таймень гулко бьёт хвостом по воде, и олень вздрагивает и тревожно озирается вокруг.

Если посмотреть на тайгу с высоты орлиного полёта, то увидишь охотничьи посёлки, рыбаков, которые спускаются вниз по речкам на своих узких лёгких лодках, дальние избушки на лесных полянах и высоко в горной тундре олени стада.

На охотничий посёлок со всех сторон наступают тайга. То дорожки между домами зарастут лесными травами, то вдруг зазеленеет на аэродроме молоденькая ёлочка, а то пойдёт утром хозяйка на огород, а все грядки истоптаны медвежьими лапами. А когда горит тайга, то в посёлок прибегают спасаться бурундуки. Они сидят на крышах, на заборах, в курятнике.

А один раз пошли коров загонять, смотрят — а в стаде дикий олень с коровами траву щиплет; увидел людей и в тайгу ушёл.

Коровы пасутся на аэродроме, и, когда над тайгой загудит самолёт, ребята бегут на аэродром и прогоняют коров, чтобы самолёт мог приземлиться. Лётчики берут с собой в полёт ружья, патроны и спиннинги. Если испортится мотор, придётся посадить самолёт на таёжную поляну и, пока не придёт помощь, кормиться охотой и рыбной ловлей.

Школьники помогают разгружать самолёт. Скоро охотники уйдут в тайгу за соболями и белками. Самолёт привёз в колхоз мешки с сухарями, муку, сахар, яблоки, папиросы и бочки с бензином — для лодочных моторов. Разгрузят все товары, а в самолёт будут грузить бочки с солёной рыбой, грибами, мешки с кедровыми орешками, ягоды, а зимой, когда начнётся промысел, грузят пушнину: соболей, белок, рысьи и медвежьи шкуры.

В горах погода меняется быстро. Сейчас светит солнце, а налетит ветер и перевалы закроет облаками — тогда лететь опасно... Поэтому лётчик торопит ребят. Они и сами торопятся разгружать, ведь эти товары для них привезли: в октябре — школьная

практика; с учителем они пойдут в тайгу на промысел, стрелять соболей и белок; учиться разводить костры, когда дует ветер со снегом и дрова сырые, узнавать по лаю, кого почуяла собака; ходить по тайге бесшумно, чтоб ни одна веточка под ногами не хрустнула. Ребята учатся переправляться через быстрые горные реки. Лодку там может разбить на подводных камнях или перевернуть на порогах.

Таёжная река начинается высоко в горах, среди снежных вершин. Сначала она бежит холодным ручейком по горной тундре, среди карликовых берёзок и мха ягеля. Воду из неё пьют дикие олени и горные куропатки, а под водопадами весной мечут икру хариусы с красными, как перья жар-птицы, плавниками.

Ниже река грохочет камнями среди вечнозелёных кедров. На дне среди мелких камней тускло горит под водой золотой самородок. Рыбчики и глухари приходят на её берега, чтобы поклевать камушки и напиться воды. По стволам поваленных бурей кедров чёрной бесшумной тенью пробегает соболь.

Ещё ниже река ревёт, и радуга вечно висит над камнями. По берегам растут золотые лиственницы с мягкой хвоей, и к водоёму на рассвете приходят лоси и медведи.

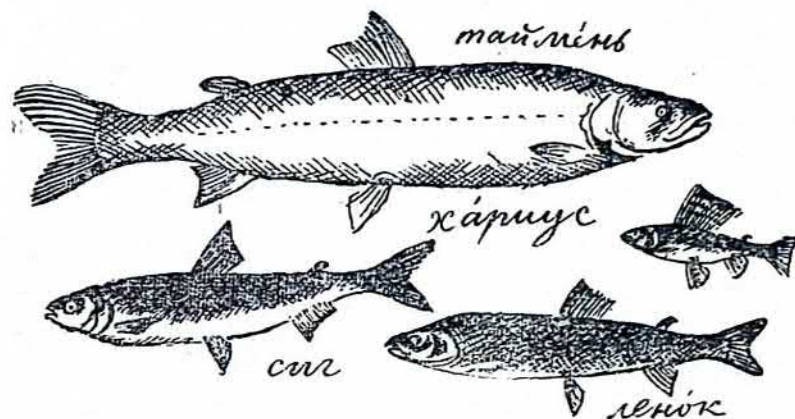
Много опасностей подстерегает охотника и рыбака на таёжной реке.

За крутым поворотом лодку несёт на каменную стену, и горе охотнику, если он не выгребет подальше от берега, на середину реки. Каменные «щёки» сдавливают с двух сторон реку и нависают над ней, и лодку мчит, как с горы; заведётся рулевой — разобьёт её в щёлки о подводный камень, и самому не вылезти на крутые склоны, да и течение унесёт. Вырывается река из «щёк», и на широких плёсах разбивается на десятки рукавов, а между ними длинные острова, с которых склоняются над водой чёрные ёли.

Но самое опасное место таёжной реки — это пороги!

По каменным ступеням с рёвом мчится вода, лодку подхватывает и... вниз, как с крутой и длинной горы. То справа, то слева пролетают острые камни. На лодке все молчат, ведь всё равно человеческий голос не слышен в этом рёве. Порог... Ещё порог! Лодку кидает вниз, волна обдаёт охотников с ног до головы ледяной водой, а лодка всё мчится, мчится! Лодку ведёт самый старый, самый опытный охотник, он здесь каждый камень знает. Да и он иногда бледнеет: чуть-чуть бы — и всё! А ведь и плоты сплавляют вниз по реке тоже через пороги, да ещё на плотях бочки с рыбой. Бывает, вниз доплывают одни брёвна. Плот не лодка, он весь под воду входит, а плотовщики привязывают себя на опасных местах верёвками к плоту.

Чтобы быть таёжным охотником, надо много знать, уметь и ничего не бояться.

За поворотом реки — рыбацкий стан. Сушатся сети на шестах, чинят лодки рыбаки из промхоза, обмывают их смолой и тут же разделяют рыбу и засаливают её в бочках. Бочки с рыбой складывают в специальную избушку, потом их погрузят на плот или на лодку, сплавят вниз по реке, в посёлок. Лодки в тайге делают из целого ствола тополя: обтёсывают от коры и сучков, потом выдалбливают середину ствола — получается узкое корыто. Его распаривают над огнём, и между стенками вбивают деревянные клинья-распорки, чтобы борта были пошире.

Потом обтёсывают топором днище — и готова длинная, лёгкая и узкая, как индейская пирога, промысловая лодка. Такая лодка проскочит между любыми камнями, не опрокинется на порогах, легко и бесшумно будет скользить по таёжному озеру. А если нужно, возьмёт рыбак шест в руки, и лодочка пойдёт против течения.

Быстрые горные реки, но рыбы, которые живут в них, выбирают самые бурные и каменистые протоки. Они стоят головой против течения у водопадов и под порогами. Тело у них стройное, а плавники режут

ледяные струи горных потоков. Самые «главные» рыбы таёжных рек — это таймень, ленок, хариус и сиг.

Таймень — самая сильная и большая рыба. Когда она охотится, то ударом хвоста глушит мелких рыб и ест их. Бывает, что таймень весит 80 килограммов. Тайменя ловят на «мышь». Её делают из беличьего хвоста или из целой бурундучьей шкурки. Из «мыши» торчат, как якоря, крепкие тройные крючки, да и леску нужно очень толстую. Закидывают «мышь» спиннингом с лодки или с берега в речную быстрину, таймень жадно хватается приманку — и тут уж не зевай! Так же, да ещё на блесну, яркую и блестящую, как чешуйчатый бок у плотвички, ловят красноперого ленка. Он намного меньше тайменя, в нём только 10—12 килограммов.

Красавца хариуса ловят на «мушку». «Мушку» делают из пучка медвежьей шерсти, а в середине — крючок. Стоит рыбак на лодке, закинет удочку, чуть коснется «мушкой» воды, а хариус уже выпрыгивает над рекой и хватается на лету.

Сиг любит спокойную воду таёжных озёр и широких речных плёсов. Его лучше всего ловить сётью.

Все эти рыбы любят быструю, чистую и холодную воду, каменистое дно, и, когда весной начинает тяжёлый лёд, они плывут всё выше и выше по таёжным рекам, через пороги и водопады, перепрыгивают через поваленные в реку деревья, чтобы выпустить икринки в самую чистую воду горных тающих снегов.

Высоко в горах, на берегу синего озера, живут колхозные оленеводы. Оленей вниз, в тайгу, пригоняют только в октябре, когда выпадет снег, а раньше оленям в тайге жарко; да и в горах олени уходят пастись по тундре вечером, на всю ночь, когда каждая веточка, каждая травинка покроются белым инеем.

Олень — северное животное, а в горах даже летом холодно. За ночь чай замерзает, и утром в котелке лежит желтая льдинка. Но олень как будто специально создан для северных просторов: жестокого морозного ветра, глубоких снегов, длинных ночей, когда каждая звездочка дрожит и искрится, как льдинка, в черном небе.

Олень быстро бежит по тайге, кусты он подминает под себя, переплывает широкие быстрые реки и никогда не тонет, потому что зимняя шкура не даёт ему пойти ко дну: каждая шерстинка — это длинная трубочка, наполненная внутри воздухом.

Олень не скользит по камням, потому что копыто у него расходится на четыре копытца и охватывает каждый камень, каждую кочку на топком болоте.

Нос у оленя покрыт серебристой шерстью, чтобы разрывать зимой глубокий снег и под снегом на мерзлой земле находить белый мох ягель. Если бы шерсти на носу не было, олень бы его отморозил.

Олениха летом каждый день даёт всего пол-литра густого молока, зато молоко это такое жирное и вкусное, что один стакан выпьешь — и наешься. Оленьё молоко немножко горьковатое, как мох ягель, который едят олени.

Если человек упадёт с оленя, он разобьётся сильнее, чем если бы он упал с лошади. Ведь олень совсем невысокий, поэтому, когда падают с него, не успевают перевернуться и упасть на ноги или боком и падают головой.

Но охотники так ловко сидят верхом на олене, что стреляют соболей и белок на ходу. Для этого у охотника есть длинный шест с крючком на конце: убил соболя, зацепил его крючком, положил в сумку — и дальше, не слезая с оленя.

Олени очень добрые и умные животные. Когда охотник едет верхом на олене по зимней тайге, олень чувствует под глубоким снегом незамерзающие ключи и обходит их. Олень не боится человека, если он идёт к нему открыто. Но если олень увидит, что человек притаился за деревом, он сразу убежит; а если на олене едет охотник, олень встанет и дальше не пойдёт. Никогда не бывает, чтобы олень разозлился или ударил охотника рогами.

Бывает так: поранит олень в камнях ногу, кожу сдерёт до кости. Тогда оленеводы ловят оленя длинным арканом за рога, валят на землю и держат, а один оленевод осторожно срезает ему кожу на ноге

и больное место присыпает лекарством; олень не вырывается, лежит молча и только глаза закрывает.

Его отпустят, он отойдёт в сторону, хромя на больную ногу, постоит немножко и опять к людям подходит, губами тянет, просит соль.

Охотники говорят: «Олень работает за ложку соли. Свистни, и он мчится из чащи!»

Олень очень любит соль, и даже дикого оленя — шокжоя можно приручить, давая понемножку соль с руки.

Оленеводы живут в палатках, чтобы скорее можно было снять лагерь и перебраться на новое место: ведь зима в горах наступает рано, и олени спускаются вниз в тайгу вместе с зимой.

На шестах сушатся медвежьи шкура. Этого медведя убили ночью. Он пришёл к палаткам и хотел напасть на оленят-пыжиков. Они ещё слабые, их не пускают ночью со взрослыми оленями в тундру. Они живут в «детском саду»: на земле лежат длинные бревна, к ним привязывают пыжиков, чтобы не убежали.

Много опасностей подстерегает пыжика, пока он не вырастет и не сделается взрослым оленем. И когда вырастет, он должен осторожно бегать по тайге. Медведь затаивается на оленьих тропах так, чтоб ветер дул от оленей и они не почувляли медвежьего запаха, подпускает оленя на три шага и бросается с ревом.

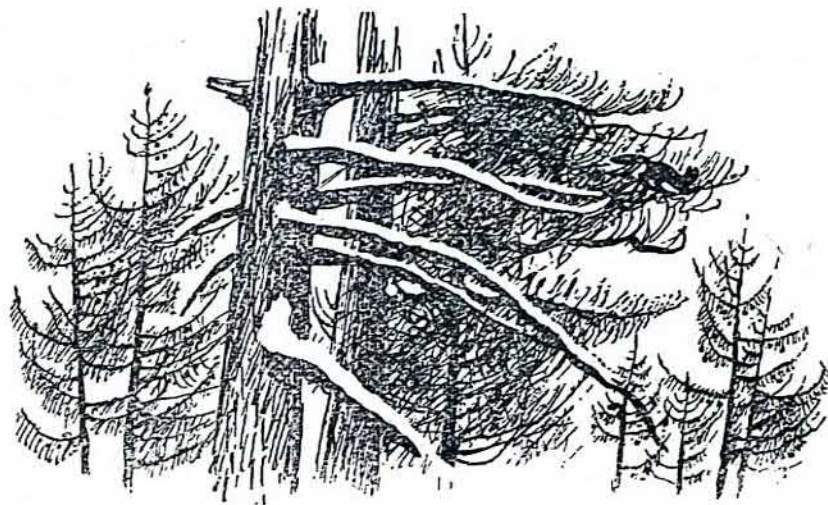
Кедр склонил свои ветви над тропой, а на кедровой ветке притаилась рысь и только ждёт, чтоб кинуться оленю на спину и перегрызть горло.

Зимой даже в самый сильный мороз в ущелье не замерзает наледь, ключевая вода широко разливается по льду. По краям наледи притаились волки, ждут оленя. Копыта разъезжаются, скользят, и не убежать оленю от волчьей стаи.

Без оленя в тайге нельзя. Там, где не пройдёт ни верховая лошадь, ни человек по глубокому снегу и по болоту, олень пробегает, не сбавляя шага. Если олень остановится перед высоким завалом деревьев, охотник слезает, отпускает длинный повод, обходит завал, потом потянет оленя за повод с другой стороны, крикнет громко: «Хо!» — и олень легко перепрыгивает через завал.

Ночью охотник разводит костёр — надыб. Валил два сухих кедра, подальше один от другого, поджигает с одной стороны, и всю ночь горят два кедровых ствола, а охотник спит между ними прямо на снегу, тепло ему — с двух сторон огонь горит. Оленю на ночь спутывают передние ноги и пускают пастись. Он себе под снегом найдёт мох и далеко от костра не уходит.

Напугать его может только совиный крик в темноте, тогда олень рвёт пути и убегает в тайгу. В тайге он пристанет к диким оленям — шокжоям и одичает. Тогда охотнику придётся пешком добираться до посёлка, а снег выше колен, и мороз лютый.

Зима спускалась в тайгу всё ниже, ниже. В горах красные лиственницы горят, как костры среди белых снегов. Птицы уже улетели на юг, только ночью слышно, как высоко в чёрном небе кричит дикий гусь, отставший от стаи.

В колхозном посёлке по ночам во всех домах горит свет, готовятся к охоте: чинят меховые ичиги, шьют из кожи с лосиных ног выючные сумки — барбы. Таким сумкам не страшны ни снег, ни дождь: капли воды скользят по шерстинкам вниз — и сухари, чай, сахар, патроны всегда сухие.

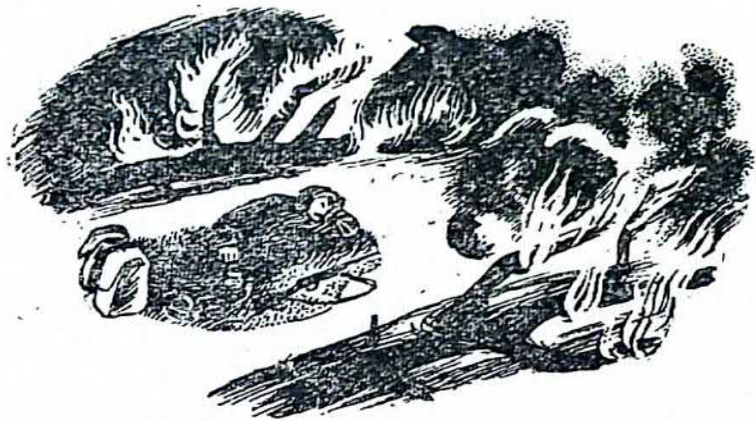
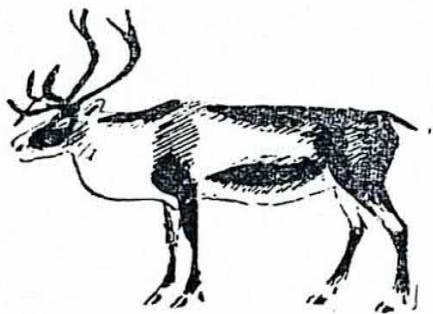
Днём охотники собираются на улицах посёлка, вглядываются в золотые леса на горизонте, ждут оленей. В правлении колхоза охотники толпятся у карты. Бригады распределяют охотничьи участки, обсуждают планы охоты.

Однажды ночью налетел северный ветер, и утром засверкали на солнце снега, и в посёлок пригнали оленей. Пастухи загнали их за изгородь, и каждый

охотник взял трёх оленей. Один верховой и два выючных.

Охотники привели оленя к своим домам и спилили рога, а то верхом не сядешь — целый куст на голове растёт.

Все спешат поскорее уйти из посёлка в тайгу, потому что вокруг посёлка мох не растёт — олени голодные.

Ребята помогают охотникам навьючить барбы на оленей. Надо, чтобы одна барба была не тяжелее другой и не съезжала с выючного седла: олень быстро побежит по тайге, заденет за ёлку тяжёлой барбой, и ремешки оборвутся.

Всё уложено — котелок и ложка, на поясе большой охотничий нож в деревянных ножнах. В этих ножнах ещё маленькие ножны, и в них узкий, острый ножик, чтобы снимать шкуры с пушных зверей. За плечами охотника промысловое ружьё «Бёлка». Один ствол у этого ружья крупного калибра, на случай, если встретится медведь, а второй, малокалиберный, — на белку и соболя, чтобы не портить ценных шкурок большими пулями.

Лайки волнуются, им хочется поскорее в тайгу, где в вечнозелёном кедре притаился соболя, а из-под снега с треском вылетают рябчики и на рассвете, когда потухнет костёр и над лесом загорится розовая заря, медведь подкрадывается к оленям.

Охотник спит на оленьей шкуре. Он стелет её около костра на снег. Олений мех не пропускает ни хо-

лода, ни сырости. Охотник просыпается чуть свет, раздувает костёр, кипятит чайник, выводит оленей и... дальше в тайгу! Впереди бежит лайка, она ищет соболя и белку. Охотник чутко прислушивается к её лаю. На всех зверей лает она по-разному, и охотник по её голосу узнаёт, кого она нашла — соболя или белку, рысь или росомуху; но если она лает очень свирепо — это медведь.

Тихо в тайге зимой. Только иногда упадёт снежный ком с ветки, закричит кедровка да ворон пролетит высоко над горами.

Тайга никогда не бывает мёртвой. Падают на снег чешуйки от кедровых шишек. Это белка на вершине кедра их шелушит. Неслышно пробегает заяц. Глухарь клюёт хвою на пихте и отыскивает мёрзлую бруснику под снегом.

На снегу видны следы. Тонкая цепочка — след от горностая, он ищет мышей под снегом и охотится на рябчиков.

Звери протоптали в снегу глубокие тропы. Олени ходят своей тропой, зайцы — своей.

А вот следы глухаря, и между ними соболиный след.

Следы оборвались — и вдалеке на снегу кучка глухарьих перьев. Соболю догнал глухаря и вцепился в него. Глухарь взлетел, и в воздухе соболю впился глухарю в шею.

Вдруг насторожились и бросились бежать косули, улетели глухари с пихты.

На поляну выбежал лось. Он тяжело дышит. Утопая в снегу, бежит, спасается от голодного медведя. Медведь гонит его день и ночь, не даёт передышки, чтоб не мог лось поест, отдохнуть, набраться сил. Лось поранил ноги об наст — ледяную корку, на снегу остаются пятна крови. Скоро лось выбьется из сил, и медведь догонит его...

Медведь не уйдёт от мёртвого лоса до тех пор, пока не съест всё мясо. Он и спать будет около туши.

Вороны летят за лосем, ждут конца погони.

Осенью медведи наедают жир на кедровых орешках и тогда только ложатся в берлоги. Иногда бывает в тайге неурожай кедров, и медведи-шатуньи бродят голодные по тайге.

Страшен голодный медведь. Он приходит в посёлок и забирается на конюшню или затаивается у самых дверей дома и лежит всю ночь не шелохнувшись — ждёт, когда выйдет человек.

Голодные медведи идут по тайге напрямик через горы, по льду озёр, переплывают реки, шкура у них смерзается, и пуля меткого охотника скользит по ледяному панцирю. Плохо в такой год охотникам. Они разжигают большие костры и всю ночь сидят у костра с заряженными ружьями в руках. Медведь может неслышно подползти против ветра так, что и лайка его не почувет.

Охотник едет по тайге верхом на олене, лайка бежит впереди на поводке. Выпал свежий снег — пеленка, которого долго ждал охотник. Ведь на свежем снегу звери оставляют только свежий след.

Лайка натянула поводок — впереди под кедрами след соболя. Соболю петляет, вот след исчез в буреломе.

Соболю юркнул под поваленные деревья, пробежал под бревном и по бревну, и под корнем, и по каждой колодине пробежал, по каждой ветке, а потом прыгнул на три метра в сторону и исчез. Собака его след долго будет распутывать, а соболю за это время успеет далеко уйти. Поэтому охотник не спускает лайку, чтобы помочь ей распутать все собольиные петли на снегу. Но вот лайка натянула поводок и захрипела. Соболю близко. Охотник спускает лайку с поводка, привязывает оленя к дереву, снимает с плеча ружье и идет по следу. По лаю он знает, что собака догнала соболя. Соболю сидит на кедре и уркает на собаку. А лайка глаз с него не сводит, отвлекает соболя от охотника, лает. Охотник тихо подходит и стреляет соболю в голову маленькой пулей, чтобы не испортить драгоценную шкуру. Охотник дает лайке немножко потрепать соболя, чтобы чувствовала, что охотник ей верит. А это еще больше подзадорит ее.

Но бывает, что соболю юркнул в каменную осыпь и сразу не возьмешь его.

Тогда охотник привязывает собаку, огораживает камни сеточкой с колокольчиками, разводит на снегу костер и терпеливо ждет. Ночью зазвенит колокольчик, собака залает — соболю выскочил, запутался в сеточке!

Охотничьи избушки стоят по берегам таёжных рек и озёр. Зимой в каждой избушке живут два охотника. Летом вверх по реке охотники завозят в избушки припасы: порох, дробь, муку, сухари, керосин, сахар, батареи для приёмников.

Когда охотник уходит в тайгу, он всегда оставляет в избушке спички, наколет сухих дров и положит в печку, нальёт керосина в лампу. Это на случай, если заблудится в тайге незнакомый охотник или убегут от него олени. Придёт он в избушку, быстро обогрётся, сварит себе еду. И, перед тем как уйти, обязательно наколет дров и приготовит всё для другого человека.

И никто не удивляется, если, возвратившись в избушку, увидит, что продуктов стало меньше — значит, кто-то был.

Таков закон тайги.

А бываёт, придёт непрощённый гость — медведь, выломает дверь, всё разломает. Потом охотник находит пустой мешок от сахара за рекой, миски все помяты и разбросаны по тайге, даже батареи от радиоприёмника и то пожёваны, а уж от приёмника только куски скрученные оставит. Весь пол в избушке засыплет мукой, зальёт керосином.

Но от такого гостя, да ещё от росомáхи делают на дереве, высоко от земли, лабáz — помост из жердён. Под ним внизу весь снег истоптан медведями. Ходили вокруг, нюхали да слюны пускали, а добраться до припасов не могли.

Когда выпадает глубокий снег, охотник не берёт в тайгу лайку: она тонет в снегу. Охотник протоптывает тропы на широких лыжах, подбитых камысом — шкуркой с лосиных ног. Шерстинки вперёд скользят, а назад не пускают — топчутся.

Охотник ставит на соболя капканы, припорошивает их сверху снегом. Настораживает чирканы около норок и на горностаевых тропках. Чиркан — это лук-самострёл, только вместо стрелы у него лопаточка.

Горноста́й наступит на сторожок — лук распрямляется, и лопаточка придавливает зверька.

Приманку для капканов — мясо белок, птичек — готовят, как только ударит мороз. Даже пёрышко от глухаря годится для приманки. Если собо́ль увидит его, обязательно подбежит понюхать и попадётся в капкан. К капкану привязывают тяжёлую чурку-потаску, чтобы зверёк не утащил капкан далеко.

Охотник носит капканы за спиной на крошнях: на раме натянута кожа, чтобы капканы не терлись о телогрейку и не пахли человеком.

Вечером возвращаются усталые охотники с добычей в избушку, разжигают печку, пьют чай и сразу начинают снимать шкурки с соболей и белок.

Кругом ночь, за стеной избушки воет ледяной ветер, а в избушке тепло, горит огонь в печке, мыши скребутся под полом.

Охотники работают и рассказывают друг другу, что случилось за день: один охотник видел, как выдра скатывалась на животё по снежной горке на речном обрыве, как кабарга объедала мох с поваленного дерева...

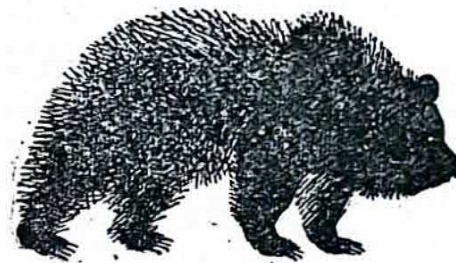
А второй охотник видел, как волки гнали одного оленя, только жаль — далеко, стрелять нельзя. И ещё на южном склоне горы лось грёлся на солнце, и рябчик затаился на ветке так близко, что можно было достать рукой.

Кто побывáет в тувíнской тайгé, тот никогда не скажет Тувé «прощáй»! Егó всегда бóдет тяну́ть к себе бескра́йняя голуба́я тайга́, но́чи у костра́, одино́кие ке́дры высо́ко в гора́х.

До свидáния, Тánну Тувá!

В Тувé такие обы́чаи.

Если иду́т охóтники по тайгé и пёрвый убивáет sóболя, он отдаёт егó тому́, кто шёл последним. Ведь ему́ было труднóе убить sóболя.

Если охóтник убьёт дíкого олёня и повстречáется с другóм челове́ком, да́же незнако́мым, он отда́ст ему́ полови́ну добы́чи.

Тувíнец никогда́ не ста́нет лови́ть ры́бу бо́льше, чем мо́жет съесть. И всегда́ помо́жет другóму чело́веку.

Мно́го чуде́сных обы́чаев и зако́нов в тувíнской тайгé, и живу́т там благородные люди́, сме́лые охóтники: о́ни подпуска́ют медве́дя на пять шаго́в и стреля́ют то́чно в се́рдце.

ОЗЕРО АЗАС

Озеро Азас в Туве длинное и узкое. На другом берегу видна тайга. Медведь и лось переплывают озеро. Лось спасается на островах от мошки. Медведь плывёт за лосем.

Осенью рыбаки ловят сига с жёлтой, как янтарь, икрой, соробжку — плотву и окуней. Самые крупные окуни в «окуниной» бухте. Вода в ней чёрная, на дне гнилые коряги, и окунь чёрный, крупный, на спине чешуя топорщится, как щетина у кабана. По чёрной воде на ветру кружатся золотые хвосты лиственниц.

До Азаса выбита тропа в тайге. Кто по ней ходил, знает, что в стороне, во мхах, бьёт ледяной ключ из земли и рядом на ёлке висит берестяная кружечка.

Устал — сядь на мох, напейся и дальше иди. По дороге встретишь старый лагерь геологов. Кобышки от палаток, миска гнутая и гарь идёт чёрной полосой до самого озера. Если идти по тропе, тайга расступится и выйдешь на озеро, к избушке охотника Микина, к самому берегу.

На озере, далеко от берега, белоснежные лебеди покачиваются на волнах, только это не лебеди, а хлопья пены.

Микинская собака на людей не лает, она медвежатница. С виду странная: чёрная, глаза жёлтые, нос раздвоен на две половинки. Микин называет её Двустволкой. Чует собака, что страшна, и к другим собакам в посёлок не бегает — загрызёт.

Когда-то охотовед пообещал настоящим лаек привезти — уши торчком, хвост кренделем. Деньги собрал на щенков, да обманул — привёз выродков — хочешь бери, хочешь не бери!

Микин на свою Двустволку не жалуется, только когда соболя облаивает, близко к дереву стоит — добычу драгоценную упускает. Настоящая лайка должна шагов на семь от дерева стоять, чтоб видеть, куда соболю метнётся.

Зато Двустволка на медведя не боится ходить, хватает медведя сзади за «штаны» — длинную шерсть на лапах — и сажает на землю...

Осень в этом году поздняя. В одну ночь лиственницу опалило морозом. Орлан белохвост улетел на юг, жирные дрозды собрались в стаи, а медведи роют берлоги повыше, в горах. Значит, весна будет ранняя, низины затопит в половодье. Сытый медведь сторожкий. Только ночью на берег приходит рыбы потроха около лодки жрёт, а днём отлёживается в горах.

Между кедрами земля вытоптана, будто табун лошадей гоняли по кругу. Это медведь то потянется во сне, то землю когтями поскребёт, то взроет. И таких лежек у медведя много, ни за что не угадаешь, где он днём спит. Каждую ночь против ветра медведь приходит к микинской избушке и на берегу жрёт дневной улов. Бочку разломает и рыбам головы откусит, сигов изваляет в грязи.

Мы поставили большой капкан — медвежий, с зубьями. Сверху на капкан навалили рыбы головы и потаску из целого бревна привязали за капкан, чтоб зверь далеко не ушёл: бревно застрянет между деревьями, вот тогда медведь по следу да по рёву себя покажет. Только всё зря. Ночью Двустволка лаяла. Пока мы сапоги надевали и бежали до берега, медведь снизу капкан ковырнул, он захлопнулся. Медведь спокойно рыбу съел и убежал.

Микин нашёл в горах половину лоса. Медведь задрал лоса, половину съел, а половину сегодня придёт доедать. Пока всё не съест, он с этого места не уйдёт, будет вокруг ходить, добычу караулить.

Привязали Двустволку на цепь, чтоб медведя не спугнула, зарядили ружья круглыми литыми пулями и пошли.

Долго шли по болотам, об острые камни ноги сбили, наконец Микин схватил меня за плечо и шепчет:

— Вон, вон там за кустом можжевельником!

Ничего не видно, только вороны лесные взлетели и уселись на ветки.

«Ну, — думаю, — раз вороны пируют, медведя нет». Махнул рукой, повесил ружье на плечо. Подошли мы к можжевельнику и... поверх куста медвежья голова показалась, здоровая, как подушка. Медведь на меня смотрит, губа отвисла, а я — на медведя. Не успели мы ружья вскинуть, медведь метнулся в чащу.

— Эх ты, растяпа! — говорит Микин.

— Да ведь вороны же...

— «Вороны, вороны»! Вот тебе и басни Крылова!

Долгий был путь назад. Он всегда долгий, когда идёшь без добычи. Вот и озеро блеснуло между деревьями. Зарядил я ружье дробью: может, утки плавают под берегом.

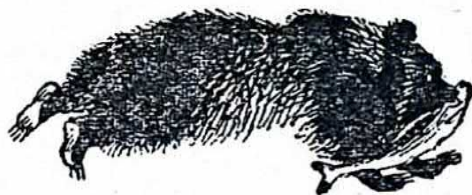
Подошёл к обрыву, поверх кустов выглядываю, и вдруг из кустов встаёт медведь, лапы на груди, и на меня смотрит. Я онемел: он! Он, тот же медведь чёрный, он... а ружье дробью заряжено. Обернулся назад и говорю Микину:

— Ваня, вот он!

А сам пальцем показываю на медведя, и Микин от удивления и такого медвежьего нахальства замер.

Медведь убежал. И пусть живёт, раз он такой нахал... нет, не нахальный, а хитрый. Бегом бежал напрямик, чтоб наших сигов съесть, как будто знал, что Двустволка на цепи привязана.

С тех пор в посёлке Тора-Хем и во всей Тодже медведей называют «Ваня, вот он». Было это на озере Азас, из которого вытекает Большой Енисей. И я ничуть не удивляюсь, что там водятся такие удивительные звери, как этот медведь, потому что было это на озере Азас...

М И Х А И Л

На одном корабле жил ручной медведь Михайл. Вот раз корабль пришёл из долгого плавания во Владивосток. Все матросы стали сходить на берег, и Михайл с ними. Хотели его не пустить, заперли в умывальнике, он стал дверь царапать и страшно реветь, так что на берегу слышно.

Выпустили Михайла и дали ему железную бочку катать по палубе, а он её в воду швырнул, не хочет играть, на берег хочет.

Дали ему лимон. Михайл его раскусил и страш-

ную рожу скорчил, поглядел на всех недоумённо и рывкнул — обманули!

На берег Михайла капитан не хотел пускать, потому что был такой случай: играли на берегу в футбол с матросами другого корабля. Михайл сначала спокойно стоял, смотрел, только лапу кусал от нетерпения, а потом не выдержал, как зарычит, как кинется на поле. Всех игроков разогнал и стал гонять мяч. Лапой как зацепит, как зацепит! А потом ещё как зацепит, мяч только — пух! И лопнул. Как же его после этого пустить на берег?

И не пустить нельзя, такая громадина, пока маленький был — шарик, а вырос — целый шар. Катались на нём верхом, он даже не приседает. Силища такая, что начнут матросы канат тянуть — все сколько есть, а Михайл с другого конца потянет, матросы на палубу падают!

Решили пустить Михайла на берег, только с ошейником, и внимательно смотреть, чтобы собака не встретила, а то вырвется и за ней побежит.

Надели на Михайла кожаный ошейник. Бόцман Клименко, самый сильный на корабле, намотал ремешок на руку, и пошёл Михайл с матросами в краеведческий музей.

Пришли в музей, купили билеты, а Михайла привязали около входа в садике, за чугунную пушку, уже-то он с места не двинет.

Ползала в музей обошли, прибегают директор:

— Уберите медведя! Он никого не пускает!

Побежал Клименко на улицу, смотрит, стоит Михайл в дверях, на шее обрывок ремешка болтается, и никого в музей не пускает. Людей целая толпа собралась.

Михайл на корабле привык угощения брать. Как матросы сойдут на берег, он с вечера ждёт у трапа. Матросы знают: идёшь с берега, обязательно надо

Михайлу конфёту дать, тогда пропу́стит на кора́бль. Без конфёты лу́чше не показывайся — прижмёт, не пу́стит.

Климёнка разозлился, закрича́л на Михайла:

— Как тебе не сты́дно, обжа́ра!

Михаил испуга́лся, да́же у́ши прижа́л и глаза́ зажа́мурил.

Он одно́го Климёнка боя́лся и слу́шался.

Климёнка взял его́ за оше́йник и привёл в музе́й.

Михаил прити́х, от матро́сов никуда́ не отхо́дит, осма́тривает портре́ты на сте́нах, чу́чала звере́й за стекло́м. От чу́чала медве́дя еле́ его́ оттащи́ли. До́лго сто́ял, раздува́л но́здри. Потом отверну́лся.

Ми́мо всех чу́chel проше́л, да́же на тигра́ не обра́тил ника́кого внима́ния, а поче́му-то понра́вилась Михайлу со́йка, глаз не мог оторва́ть и все́ облизы́вался.

Наконе́ц пришёл в зал, где ору́жие развешано и кусо́к бо́рта от па́русного кора́бля «Разбо́йник», и вдруг Климёнка кричи́т:

— Михайл сбежа́л!

Огляну́лись все — нет Михайла!

Выбежали на у́лицу — нигде́ нет Михайла! Пошли́ по дво́рам иска́ть; мо́жет, за соба́кой погна́лся?

И вдруг ви́дят: бежи́т по у́лице дире́ктор музе́я, очки́ в руке́ де́ржит, уви́дел матро́сов, остано́вился, га́лстук попра́вил и как закричи́т:

— Сейча́с же уберите́ медве́дя!

Ока́зывается, Михайл в са́мом да́льном за́ле, где вся́кие жучки́ и бука́шки, лёг в углу́ и усну́л. Разбуди́ли его́ и на кора́бль привели́. Климёнка ему́ говори́т:

— Эх, ты, тебе́ бы то́лько брезе́нт рвать на шлю́пках, а не в музе́й ходи́ть!

До ве́чера исче́з Михайл, от сты́да спря́тался. То́лько когда́ к у́жину да́ли сигна́л, вы́лез из маши́нного отде́ления. Вид у Михайла был виновáтый.

О С Л И К

Ещё́ в де́тстве в како́й-то кни́жке я прочёл, что у ребят́ был свой осли́к. Они́ са́ми его́ корми́ли и е́здили на нём куда́ хоте́ли. И с тех пор я то́лько и мечта́л о своём осли́ке, да́же де́ньги копи́л, что́бы его́ купи́ть.

Когда́ к нам приезжа́ли знако́мые, пи́ли чай и разгово́аривали с ма́мой о своих взро́слых дела́х, я все́гда спра́шивал: ско́лько сто́ит осли́к, чем его́ ко́рмят, мо́жет он жи́ть у нас в Москве́, а вдруг ему́ снег не по́нравится?

Все смея́лись, а ма́ма укла́дывала меня́ порáньше спать.

Тепе́рь я стал уже́ большо́м и неда́вно е́здил в Таджикиста́н. Я жи́л в кишлаке́. У хозя́ина, где я остано́вился, был свой осли́к, се́рый и ма́ленький.

Ослик стоял около сарая и отмахивался хвостиком от мух.

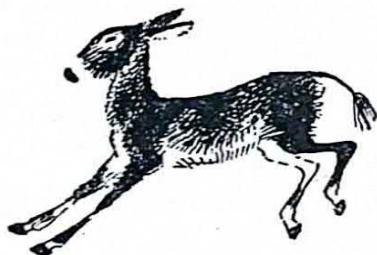
Мне очень захотелось прокатиться на нём верхом. Хозяин мне разрешил:

— Сколько хочешь езди, только возьми палку.

Палку я не взял и пожалел. Ослик всё время оставался, ревел и дальше не шёл. Я его и упрашивал и подталкивал сзади — всё равно стоит на одном месте. А потом вдруг быстро побежал; я крепко сцепился в гриву.

Он завёз меня на середину ручья и остановился. Вода в ручье ледяная, до берега далеко, и тут я опять пожалел, что у меня нет палки.

Я его уже не называл осликом, а ругал как попало. Хорошо, что хозяину надоело меня ждать. Он пришёл к ручью, сломал прут, и обратно мы ехали быстро. Хозяин смеялся надо мной. Я совсем не знал, что осёл такой упрямый. Ведь в книжке рассказывали про послушного ослика, а это был длинноухий, упрямый осёл, совсем не тот, на которого я копил деньги в детстве.

ДИКИЙ ЗВЕРЬ

У Вёры был бельчонок. Его звали Рыжик. Он бегал по комнате, лазил на абажур, обнюхивал тарелки на столе, карабкался по спине, садился на плечо и коготками разжимал у Вёры кулак — искал орехи.

Рыжик был ручной и послушный.

Но однажды, на Новый год, Вёра повесила на ёлку игрушки, и орехи, и конфеты; и только вышла из комнаты, хотела свечки принести, Рыжик прыгнул на ёлку, схватил один орех, спрятал его в галóшу. Второ́й орех положил под подушку. Третьи́й орех тут же разгрыз...

Вёра вошла в комнату, а на ёлке ни одного ореха нет, одни бумажки серебряные валяются на полу.

Вёра закричала на Рыжика:

— Ты что наделал, ты не дикий зверь, а домашний, ручной!

Рыжик не бегал больше по столу, не катался на двери, не разжимал у Вёры кулак. Он с утра до вечера запасался. Увидит кусок хлеба — схватит, увидит семечки — набьёт полные щёки, и всё прятал.

Папа стал надевать пальто — в кармане яблоко и сухарь. Шапку надел — семечки посыпались на пол.

Рыжик и гостям в карманы положил семечки про запас.

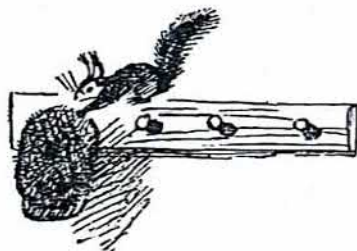
Никто не знал, зачем Рыжик делает запасы.

А потом приехал папин знакомый из Сибирской тайги и рассказал, что в тайге не уродились кедровые орешки, и птицы улетели за горные хребты, и белки собрались в несметные стаи и пошли за птицами, и даже голодные медведи не залегли на зиму в берлоги.

Вёра посмотрела на Рыжика и сказала:

— Ты не ручной зверь, а дикий!

Только не понятно, как Рыжик узнал, что в тайге голод.

МЕДВЕЖАТА С КАМЧАТКИ

Это было на Камчатке, где по берегам горных озёр растут зелёные кедры, и слышен гул вулканов, и небо по ночам озаряется огнём из кратеров.

Шёл по камчатской тайге охотник и вдруг видит: сидят на дереве два медвежонок. Он ружьё с плеча снял и думает: «Медведица где-то близко!»

А это были любопытные медвежата. Они убежали от матери.

Один медвежонок от любопытства совсем близко спустился к охотнику!

А другой медвежонок был трусишка и только сверху посматривал — вниз спускаться боялся.

Тогда охотник сахару им дал. Тут медвежата не выдержали, слезли с дерева и стали у него кусочки сахару выпрашивать.

Съели они весь сахар, поняли, что охотник — «зверь» совсем не страшный, и стали медвежата играть: валяться на траве, рычать, кусаться...

Видит охотник: весёлые медвежата! Взял он их с собой и привёл в охотничью избушку, на берег большого таёжного озера.

Стали у него медвежата жить, купаться в озере.

Один медвежонок — назвали его Пашка — любил рыбу ловить, только, кроме тины да травы водяной, ничего он не мог поймать.

Другой медвежонок — назвали его Машка — всё время искал в тайге ягоды и сладкие корешки.

Как Пашка из воды вылезет, отряхнётся — начинает зарядку делать:

перёдние лапы — вперёд...

...правую лапу — вверх, левую — вниз...

...и вытянется.

Зарядка окончена!

Сделал зарядку Пашка и стал вокруг избушки ходить, во все дырки заглядывает, обнюхивает брёвна.

Полёз на крышу... а там — незнакомый зверь!

Спину выгнул и на Пашку как зашипит!
Хочется Пашке с ним подружиться, да страшно.
Жили медвежата в избушке, купались в озере, ягоды собирали, муравейники раскапывали, да не долго.
Однажды застрекотала над озером большая птица.
Кинулся от неё Пашка бежать...

А Машка от страха забралась на ветку над самой водой, вот-вот свалится в озеро.

Птица спустилась на таёжную полянку; перестала стрекотать и замерла.

Хочется медвежатам поближе подойти, обнюхать её, да боюсь, издали на неё поглядывают.

А потом осмелели медвежата и подошли.

Лётчик им сахару дал: тут уж не отгонишь.

К вечеру посадил их лётчик в кабину, и полетели они к берегу океана.

Там их привели на большой корабль, который отплывал в Петропавловск-Камчатский.

Пашка всю дорогу смотрел, как матросы на палубе работают.

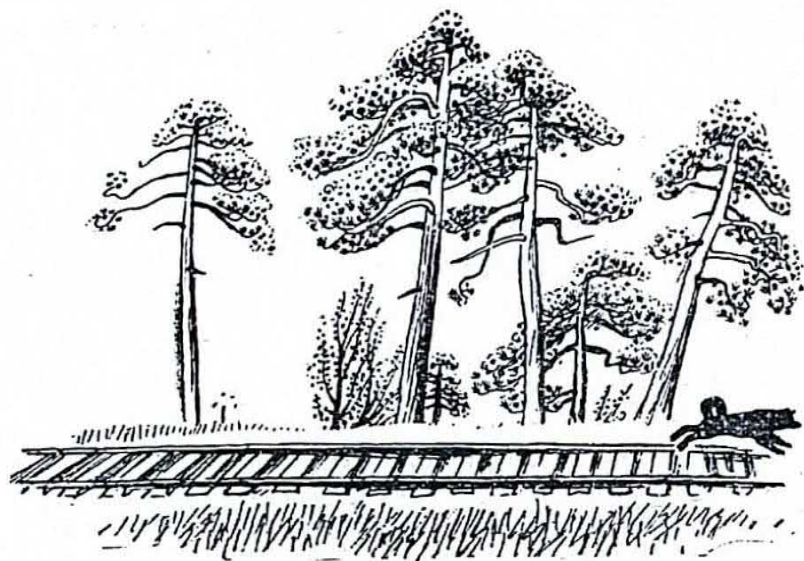
Приплыл корабль в Петропавловск-Камчатский.

Там медвежат подарили ребятам, и стали они жить в Доме пионеров.

Ребята их сахаром кормили и молоком и вкусные корешки приносили из тайги.

Машка так объелась, что у неё живот заболел.

А Пашка всё равно у ребят кусочки сахару выпрашивает.

ЖУЛЬКА

Вокруг станции песок, и на песке растут сосны. Дорога здесь круто сворачивает на север, и паровоз всегда неожиданно вылетает из-за холмов.

Поезда ждут дежурные смазчики.

Но раньше всех выходит его встречать собака Жюлька. Она сидит на песке и вслушивается. Вот рельсы начинают гудеть, потом постукивать. Жюлька отбегает в сторону.

Дежурный смотрит на Жюльку. Он покашливает и поправляет красную фуражку. Смазчики звякают крышками маслёнок.

Если поезд идет с севера, Жюлька прячется: в северных поездах люди едут в отпуск. Моряки с гром-

ким хохотом прыгают из вагонов и стараются заткнуть Жюльку к себе. Жюльке неудобно: она виляет хвостом, прижимает уши и тихонько рычит.

Жюльке очень хочется есть. Вокруг жуют, и вкусно пахнет. Жюлька беспокоится — паровоз уже загудел, а ей еще ничего не дали. Часто Жюльку завозили так далеко, что домой она бежала целый день.

Она пробегала мимо домиков, где живут стрелочники. Они махали ей на прощанье флажками. Однажды за ней погналась большая черная собака. В лесу девочка пасла козу и двух козлят. Козлята играли на рельсах и не слушались девочку. Ведь их может задавить. Жюлька показала им зубы и зарычала, а глупая коза хотела боднуть ее.

Но самое страшное было перебежать через мост. Посредине стоял солдат с ружьем. Он охранял мост. Жюлька подошла к солдату поближе и стала подлизываться: она поджала хвост и на брюхе подползла к нему. Солдат сердито топнул на нее ногой. И Жюлька без оглядки побежала до своей станции.

«Нет, — подумала она, — больше никогда не буду подходить к поезду».

Но скоро Жюлька все это забыла и снова стала попрошайничать.

Однажды ее завезли очень далеко, и обратно она не вернулась.

СОДЕРЖАНИЕ

Письма из разных краёв	3
В Ленкорани	37
Берёза	47
Ива	48
Дуб	49
Сосна	51
Лиственница	52
Кедр	54
Саксаул	55
Карликовая берёзка	56
В Саянах	58
Арал	60
В заповеднике	64
На Командорах	66
Лесник Тилан	68
Танну Тува	70
Озеро Азас	94
Михайл	98
Ослик	101
Дикий зверь	103
Медвежата с Камчатки	105
Жулька	108

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу: Москва, А-47,
ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для начальной школы

Снегирёв Геннадий Яковлевич

ПИСЬМА ИЗ РАЗНЫХ КРАЕВ

Ответственные редакторы

Г. Ф. Ермоленко и М. И. Сальникова

Художественный редактор

С. И. Нижняя

Технический редактор

З. М. Кузьмина

Корректоры

Т. П. Лейзерович и Э. Н. Сизова

Сдано в набор 4/VII 1969 г. Подписано к печати
30/X 1969 г. Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 7. Усл. печ. л.
6,53. (Уч.-изд. л. 4,81). Тираж 100 000 экз. ТП 1969
№ 612. Цена 26 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Комитета по печати при
Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Чер-
касский пер., 1. Отпечатано с матриц ордена Тру-
дового Красного Знамени фабрики «Детская кни-
га» № 1, Москва Калининским полиграфкомби-
натом детской литературы Росглавополиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров РСФСР,
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46. Зак. 357

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В 1969 году в серии «Школьная библиотека для нерусских школ» вышли и выходят следующие книги для начальной школы:

Андерсен Г.-Х.	ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ.
Сказка
Киплинг Р.	СКАЗКИ.
В сборник входят сказки: «Отчего у верблюда горб», «Откуда у носорога шкура», «Как было написано первое письмо» и другие
Мамин-Сибиряк Д.	ЗИМОВЬЕ НА СТУДЕНОЙ.
Рассказы
Маршак С.	ОТ ОДНОГО ДО ДЕСЯТИ.
Весёлые стихи о счёте
Маяковский В.	ЭТА КНИЖЕЧКА МОЯ ПРО МОРЯ И ПРО МАЯК.
Стихи
Некрасов Н.	СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ.
Содержание: «Крестьянские дети», «Мужичок с ноготок», «Несжатая полоса», «Мороз-воевода» и другие.

Рассказы и сказки русских писателей.
Книга для чтения в I—IV классах. |

Обращайтесь за этими книгами в свои районные и школьные библиотеки. Эти книги вы можете приобрести в магазинах Книго-торга и потребительской кооперации.

Цена 26 коп.